

ЭДВИН РОБЕРТ
БИВЕН

ВЕЛИКИЕ
ИМПЕРИИ
• МИРА •

ЦАРСТВО СЕЛЕВКИДОВ

Величайшее наследие
Александра
Македонского

Великие империи мира

Эдвин Роберт Бивен

**Царство селевкидов.
Величайшее наследие
Александра Македонского**

«Центрполиграф»

УДК 94(38).08
ББК 63.3(0)3

Бивен Э.

Царство селевкидов. Величайшее наследие Александра
Македонского / Э. Бивен — «Центрполиграф», — (Великие
империи мира)

ISBN 978-5-227-10204-1

Книга Эдвина Роберта Бивена посвящена истории самого обширного и могущественного государства эллинистического мира, основанного Селевком I Никатором на Ближнем Востоке после распада империи Александра Македонского. Историк рассматривает политическое и административное устройство государства Селевкидов, описывает жизненный путь и свершения его правителей, а также рассказывает о борьбе за власть преемников Александра Великого и их потомков, которая ослабила Сирийское царство и сделала его легкой добычей для Римской республики. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(38).08

ББК 63.3(0)3

ISBN 978-5-227-10204-1

© Бивен Э.
© Центрполиграф

Содержание

Книга первая	6
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Эдвин Роберт Бивен
Царство селевкидов
Величайшее наследие
Александра Македонского

EDWYN ROBERT BEVAN
THE HOUSE OF SELEUCUS

ВЕЛИКИЕ ИМПЕРИИ МИРА

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

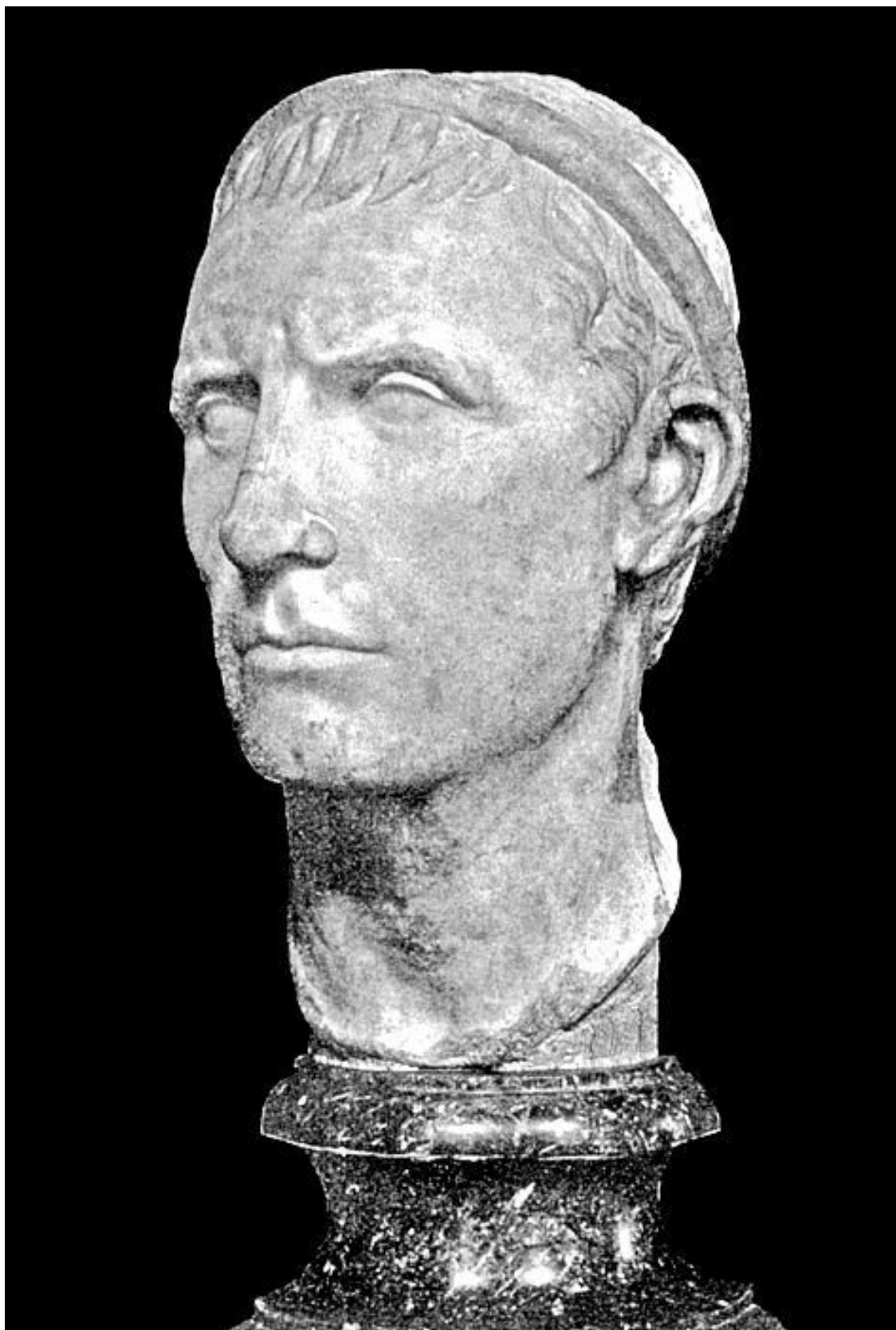
© Перевод, «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2023

* * *

Книга первая

Антиох III Великий. Мраморный бюст, Лувр

Глава 1

Эллинизм на Востоке

Часто мы слышим расхожую фразу – «неизменный Восток». Но тем не менее ничто так не поражает мыслящего путешественника на Востоке, как контраст между настоящим и намного более великим прошлым, следы которого мы видим на каждом шагу. Кажется, что ты ступаешь по огромному кладбищу. Везде гробницы – могилы в одиноких холмах, где уже нет живущих, могилы не только людей, но и целых городов – или же встречаются и непогребенные города, останки которых одиноко торчат над землей, словно кости позабытого скелета. Рядом с убогими городками, хижинами кочевников, заброшенными полями наших дней – остатки имперской роскоши, дворцов и храмов, театров и колоннад, следы бесчисленных людей. Этот древний мир так окончательно погиб и умер, а современность кажется такой чуждой, что путешественник уже готов задаться вопросом: может быть, тот мир уже никак не связан с нынешним, может, то, другое племя отрезано от тех людей, что он видит сейчас, каким-то всеразрушающим потоком. Однако именно своеобразие этих чувств, которые должны охватывать европейского путешественника при виде всего этого, заставляет его понять, что существует некая более близкая связь между ним и некоторыми из этих обрывков древности – более близкая, нежели между ним и живыми людьми в этой стране. Руины, на которые он смотрит, не являются отражением какого-то странного и загадочного ума, как у египтян или жителей древней Мексики: это знакомые классические формы, к которым взгляд его привык уже в родной стране; в его сознании они связываются с цивилизацией, из которой родилась его собственная. Что же они делают здесь, среди людей, которым дух, вырастивший и сформировавший все это, абсолютно неведом? Европейский путешественник, наверное, начнет догадываться, что история, которая скрывается за этими памятниками, представляет особый интерес для него лично. Часть этой истории – труд, свершенный династией Селевкидов в бурную переходную эпоху на сцене мира две тысячи лет назад, – и должна прояснить данная книга.

Дом Селевкидов особенно интересен не характерами самих царей. Интересны обстоятельства, в которых они оказались. Все эти цари были (со всех сторон и во всех отношениях) царями греческими, но сферой их империи стала Азия. Они оказались призваны руководить процессом, посредством которого эллинизм проник в чуждый мир, приходя в контакт с другими традициями, изменяя их и изменяясь при этом сам. И этот процесс зависел от них. Действительно, способность к экспансии была заключена в самом эллинизме, но эта экспансия едва ли смогла бы зайти далеко, если только политическая сила не оказалась бы в подходящих руках. Фактически она продолжала действовать и в странах, которые попали под власть варваров. Оказалось, что, сохраняя свою власть, селевкидская династия обеспечивала прогресс эллинизма. Тот интерес, с которым мы следим за борьбой Селевкидов за расширение своей империи, и в конце концов – за существование, обусловлен не тем, что цари руководствовались какими-то особенно благородными мотивами, или тем, что все это происходило каким-то исключительным образом, но тем, что, как мы знаем, за всем этим стояли гораздо более широкие проблемы. Мы видим, что, когда династия рушилась, люди, не принадлежавшие к эллинистической культуре, – персы, армяне, арабы, иудеи – рванулись во все концы, чтобы снова захватить то, что завоевали Александр и Селевк. Их остановил только Рим, в котором эллинизм нашел себе нового защитника. Каким бы слабым и неорганизованным ни был дом Селевкидов в свои последние дни, он продолжал удерживать эти позиции, пока Рим не оказался готов принять наследие Александра.

Но что же мы имеем в виду под эллинизмом?

Характеристикой, на которую в основном указывали сами греки и которая отличала их от варваров, была *свобода*. Греки говорили, что варвары – или, во всяком случае, азиаты –

по природе своей были рабами. Это было гордым заявлением. И оно основано на реальных фактах. Но оно не было абсолютной истиной. Свобода существовала и до греков – точно так же, как до них существовала и цивилизация. Но и та и другая существовали только по отдельности. *Достижением греков было то, что они объединили свободу и цивилизацию воедино.*

Мы, как и греки, с готовностью говорим общие слова про «азиатов» и «восточных людей», когда имеем в виду их рабскую покорность, их терпеливость, их сдержанность. Но при этом мы забываем и о другом элементе на Востоке, который во многих отношениях представляет собой прямую противоположность этих характеристик. Еще до того, как люди сформировали те большие группы населения, которые являются существенным атрибутом цивилизации, они жили небольшими группами или племенами, и после того, как сформировались эти большие группы, племенная система в горах и пустынях продолжала существовать, как и раньше. Мы и сегодня можем видеть на Востоке множество народов, которые еще не вышли из этой стадии.

В первобытных племенах люди свободны. И причина этого вполне ясна. Чем меньше группа людей, тем большую роль играет в ней отдельный человек. Там, где вся община может встретиться для обсуждения вопроса, общее мнение является четко выраженным и обязательным для всех. Из-за постоянных войн между отдельными кланами все мужчины с юности становятся воинами. Вместе с тем цивилизация распространяется с каждым расширением круга общения, со всем, что сливается вместе изолированные племенные группы, которые объединяются в более обширное сообщество. Потеря свободы – это цена, которую нужно платить за цивилизацию.

Именно на больших наносных равнинах, где мало естественных преград и плодородная почва облегчает людям жизнь, – вдоль Нила и Евфрата – люди впервые объединились в более крупные единицы, обменяв свою старую беспокойную свободную жизнь на мир и труд с повиновением законам общего хозяина. Египтяне и вавилоняне достигли стадии цивилизации и деспотизма уже на самой заре истории. Однако в случае других обществ сохранились свидетельства о переходном периоде. Пример великих царей, которые правили на Ниле и Евфрате, стал целью для амбиций сильных людей среди соседних племен. Военная мощь, которая основывается на объединении множества людей под властью одного человека, показала племенам пользу объединения. Более мелкие царства появились в других землях; их дворы копировали Мемфис и Вавилон, только в меньших масштабах.

Переходный момент мы можем ясно видеть в случае Израиля. Здесь перед нами вырисовывается картина, когда преимущества племенной и монархической системы сознательно взвешиваются на народном собрании. С одной стороны, концентрация власти обещает порядок и военную эффективность, которые приносят много выгоды: «Пусть царь будет над нами, и мы будем, как прочие народы; будет судить нас царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши»¹. С другой стороны, от народа требуются жертвы: люди будут вынуждены поддерживать суды, платить дань как личной службой, так и своей собственностью, – фактически это все потеря свободы.

В то время как эллинизм достиг полного развития, Восток, каким его знали греки, был объединен под властью великого царя Ирана. Иранская империя поглотила предшествующие семитскую и египетскую империи, и на огромной территории, которой правил в V в. до н. э. персидский царь, он превосходил любого властителя, которого только до этого видел свет. Грекам казалось, что он достиг вершины человеческого величия. Тем не менее для иранцев монархия была чем-то сравнительно новым. На памяти людей было то время, когда персы были еще на племенной стадии. Старая племенная организация в Иране не прекратила своего существования; она просто ушла в тень перед той господствующей властью, которой достиг дом Ахеме-

¹ 1 Цар., 8: 5 сл.

нидов: их завоевания за границами Ирана дали им абсолютную власть над огромным населением. Традиция, которую воспроизводит Геродот, все еще говорит о начале царской власти в Иране. Основные черты этой истории, возможно, правдивы: амбиции, возникшие у мидийца Дейока, после того, как его народ освободился из-под ига Ассирии; то, как мидийцы устали от внутренних конфликтов и поэтому были вынуждены примириться с общим подчинением одному великому человеку; то странное нововведение, когда мидиец окружил себя помпой и соответствующими атрибутами, подражая ниневийскому двору. После того как лже-Смердис был повержен, главы персидских кланов, как уверяет нас Геродот², даже серьезно обсуждали вопрос, не нужно ли вообще отменить царскую власть и выбрать форму общественного устройства, более совместимую с древними обычаями, при которой племенные вожди или племенные собрания стали бы правящей силой.

Итак, до появления эллинизма в качестве альтернативы грубой свободе первобытных племен мир, судя по всему, мог предложить только непрогрессивный деспотизм. Некоторые народы, например египтяне и вавилоняне, подчинялись царям тысячелетиями. И во все это время не было никакого прогресса. Конечно, было движение: династические перевороты, завоевания чужеземными племенами, изменения моды в одежде, искусстве, религии, но *прогресса не было*. Если что-то было – то это был упадок. Между царем и его подданными были отношения хозяина и раба. Царские чиновники назначались царем, отвечали перед ним, а не перед народом. Под его командованием находилась армия, которая давала ему исключительную материальную власть. От народа он прежде всего требовал двух вещей, и у народа, в свою очередь, были два основных требования к нему. Во-первых, он выбирал из них людей себе на службу и, во-вторых, забирал себе столько их собственности, сколько считал нужным. А в ответ они требовали от него прежде всего мира с соседями – поскольку один он со своей армией мог отразить чужеземных захватчиков или дикие племена холмов и пустынь, и, во-вторых, мира внутреннего, который он обеспечивал, будучи сам или через своих представителей судьей их распрей.

Именно при этих обстоятельствах развился характер, который мы теперь именуем «восточным». Землепашцу или купцу никогда и в голову не приходило, что действия правительства каким-либо образом касаются его: он был лишь единицей в огромном объединении, которое связывало только подчинение одной внешней власти; для него, в то время пока цари отправлялись на войну, было достаточно обеспечить себя и своих детей в этой жизни или убедиться, что все будет благополучно в следующей, и предоставить жизни идти своим чередом. Не приходится удивляться тому, что его не интересовал мир за пределами его собственных забот – телесных нужд и религии. Возможно, ему приходилось подчиняться любым насилиям и вымогательствам, которым считали нужным подвергать его царь или же его прислужники; он не мог защититься иначе, как спрятавшись, и его смелость была смелостью человека не деятельного, но терпеливого и исключительно скрытного. Он стал тем «восточным человеком», которого мы знаем.

Затем с появлением эллинизма двадцать пять столетий назад в мире возникло нечто новое. Греки не были теперь ограничены выбором между племенной грубостью или культурным деспотизмом. Они перешли из племенной стадии к форме общественного устройства, которая не была ни тем ни другим, – к городу-государству. Греки, конечно, не были первыми, кто разработал понятие города-государства: их предшественниками явились сирийские семиты. До того как мир узнал об Афинах и Спарте, слава Тира и Сидона разнеслась по всему Средиземноморью. Но лишь тогда, когда город-государство объединился с особыми дарованиями эллинов, появилась новая и удивительная форма культуры.

² Шпигель считает, что этот рассказ имеет под собой исторические основания.

Племя, среди которого город-государство принес свои плоды, не селилось на богатых равнинах, как те, на которых располагались более древние цивилизации. Оно было разбито на сотню фрагментов и рассеяно среди горных долин и по островам. Естественные преграды, как правило, мешали этим группам объединяться, в то время как море, которое разливалось везде длинными проливами и бухтами, приглашало греков к общению и предпринимательству. При таких обстоятельствах первоначальные племенные деревни сгруппировывались в центры, которые превратились в города. При старой племенной системе было бы невозможно столь близкое сотрудничество таких больших групп людей, как это предполагается в городе-государстве. Однако именно это и было необходимым условием для выработки такой жизни, которую мы именуем цивилизованной. В то же время город не был слишком большим, чтобы общий голос его граждан не мог найти совместного выражения. Настоящий инстинкт привел греческие республики к тому, чтобы прежде всего заботиться о своей независимости и упорно отвергать все ограничения, из-за которых их отдельный суверенитет приносился в жертву в каком-то более крупном объединении.

Эллинизм – именно так удобнее всего можно назвать эту культуру – был продуктом греческого города-государства. Здесь неуместно будет обсуждать, насколько это было обусловлено естественными способностями греков и насколько – формой политического объединения, при которой они жили. Достаточно будет обозначить истинную связь между формой греческого государства и характеристиками, благодаря которым эллинизм отличался от всех остальных цивилизаций до него.

В эллинизме мы можем увидеть нравственную и интеллектуальную сторону: он предполагал *определенный тип характера*, а также и *определенный склад идей*. Именно первое имел в виду грек, когда говорил о себе как о свободном человеке, в отличие от варвара. Власть, которой он повиновался, была не внешней. Он вырос с осознанием того, что является членом свободного государства – государства, в котором он имел индивидуальную ценность и свою долю в суверенитете. Это давало ему самоуважение, чуждое для восточных людей: грек улыбался, когда видел, как они ползут на четвереньках, простираясь перед тронами своих государей. Это давало ему энергию воли, силу инициативы, невозможную для объединения этих порабощенных толп. Это давало его речи прямоту и простоту, которая презирала придворные обиняки и преувеличения. Это давало его манерам поразительную естественность и отсутствие скованности.

Но он был членом *государства*. Свобода не означала для него ничего похожего на освобождение индивидуума от обязанностей перед обществом и контроля со стороны общества. Над жизнью греческого гражданина господствовал его долг перед государством. Государство предьявляло свои права на его тело и дух и осуществляло свои права не столько с помощью внешних наград и наказаний, сколько насаждая в его душе свои идеалы, питая чувство чести и чувство долга. Коррупция и продажность всегда были правилом в правительствах, живших по восточному образцу. Представление о государстве как о предмете искренней преданности, как о чем-то управляющем основной массой граждан и тайным течением их жизни было тем новым, что появилось в греческих республиках. Именно это давало силу законам и энергию публичным дебатам. Именно это, наряду с их личной смелостью, заставляло воинов-граждан радостно повиноваться и дружно умирать на своем месте. Легко указать на отклонения от этого идеала у общественных деятелей Древней Греции: даже у Мильтиада, Фемистокла и Демосфена руки не всегда были чисты. Но никто не станет утверждать, что нравственные качества, которые обычно производило свободное государство, были повсеместно распространены среди греков или полностью отсутствовали среди варваров. Дело было в *степени*. Без более высокого стандарта общественной честности, более четкого чувства общественного долга, чем могло показать восточное государство, свободные учреждения Греции не продержались бы и месяца.

Эллинистический характер обрел отдельное существование, только когда греки привлекли внимание более древних народов, как сила, с которой необходимо было считаться. Цари стали осознавать, что появилось уникальное племя воинов, которое они могли использовать. Фактически первым очевидным следствием объединения независимости и дисциплины у греков, настолько, насколько это влияло на остальной мир, было то, что они стали превосходить людей других народов в военном отношении. На самой заре греческой истории, в VII в. до н. э., фараон Нехо использовал греческих наемников и в качестве признательности за их службу (возможно, на том самом поле, где пал иудейский царь Иосия) посвятил свои доспехи в греческий храм³. Брат поэта Алкея⁴ добился славы в армии вавилонского царя. При позднейших египетских царях корпус греческих наемников ценился гораздо больше, чем местные ополчения. Персидские завоевания, которые распространились по Западной Азии во второй половине VI в. до н. э. и в начале V, остановились на греческой земле, и армии Великого Царя откатились назад, потерпев сокрушительное поражение. К концу века персы, как и египтяне, стали полагаться в основном на греческих наемников. Превосходство греков открыто показали Десять тысяч и кампании Агесилая. С этого времени стало очевидно, что если эллинское племя сможет сосредоточить свои силы в политическом союзе, то оно сможет править миром⁵.

Помимо определенного склада характера, греки представляли и новый *интеллектуальный* тип. Воображение греков, возможно, не было богаче, их чувства не были обострены более, чем у других народов, – мы можем, например, сказать, что в религиозном чувстве грек стоял позади восточного человека; однако воображение и чувства греков более строго регулировались. Греки сделали значительный прогресс в том, чтобы увидеть мир вокруг них таким, каким он был в действительности. Грек хотел понять мир как рациональное целое. Отличительные характеристики, свойственные всем проявлениям его разума, в политике, в философии, в искусстве, – это его способность к критике, его рационализм, или, говоря другими словами, его склонность к тому, чтобы мерить вещи меркой разума и реальности. Грек был гораздо более осмотрителен, нежели восточный человек, проверяя свои впечатления. Он не всегда мог считать традиционное мнение или обычай чем-то само собой разумеющимся и оставаться удовлетворенным фразами вроде «так было с самого начала» или «так поступали наши отцы». Его ум был более свободен от тирании обычая, и он мог больше подчиняться руководству истины.

И здесь опять-таки мы можем видеть влияние политического окружения. В деспотизме нет ничего, что могло бы ускорить мысль; требуется нерассуждающее повиновение; принципы управления заключены в сердце царя. В греческом городе было совершенно иначе. В демократиях граждане особенно привыкли к тому, что всю жизнь перед ними на собраниях излагаются разные способы ведения политики; они слушают речи в судах и следят за аргументами противоположных сторон. То, что казалось истинным, тут же подвергается сомнению и признается ошибочным. Учреждения оправдывались или осуждались на основании широких принципов Красоты или Пользы. Греки жили в атмосфере дебатов; рыночная площадь была настоящим гимнастическим залом, где разрабатывались способности к критике. Сам Платон мог представить процесс рассуждения только в форме диалога.

При этих обстоятельствах, несмотря на естественное почтение к общепринятым обычаям и верованиям, несмотря на противостояние более консервативных натур – ворчание этой оппозиции мы слышим во всей греческой литературе, – критическая способность задействовалась все больше и больше. Она проникла во все сферы деятельности, как неизбежный принцип прогресса. Именно прогресса в противоположность застою, поскольку она проверяла устоявшиеся принципы; прогресса в противоположность беспорядочному движению, поскольку она регу-

³ Hdt., II. 159.

⁴ Strabo, XIII. 617.

⁵ *δυναμέων ἄρχειν πάντων, μίᾳς τυγχάνων πολιτείας*, Aristot. *Polit.* VII. 7.

лировала ход нововведений. Государство, в котором действует эта способность, показывает свойства живого организма – постоянно изменяется, приспосабливаясь к окружающей среде.

Критическая способность, разум – в одной из своих граней проявляется как *чувство пропорциональности*; чувство пропорциональности в политике, «здравый смысл», взвешенные суждения; чувство пропорциональности в поведении, которое отличает то, что подобает данному человеку в данной ситуации; чувство пропорциональности в искусстве, которое устраняет лишнее и должным образом подчиняет все детали целому. Насколько важным этот аспект критической способности был для греков, показывает сам их язык: *разум и пропорция* выражаются одним словом. «Эллины, – как говорит Полибий, – в основном отличаются от других людей именно в том отношении, что они всегда *оценивают всех по достоинству*»⁶. Μηδὴν ἄγαν, «ничего слишком» – самое характерное высказывание для эллинской мудрости.

Итак, мы пришли к тому, что отличительным качеством эллинского ума являлся рационализм: с одной стороны, это понимание реального мира, а с другой – чувство пропорциональности. Насколько это правдиво для сферы искусства, литературы или пластики, не нужно объяснять никому, кто знаком с тем или другим. Мы можем оценить тот прыжок вперед в истории человечества, который сделали греки между XXV и XX столетием до нашего времени, если сравним аттическую трагедию с заунывными словесами Авесты или остатками египетской литературы, обнаруженными в храмах и гробницах. Или же если противопоставим Парфенон, единую мысль в камне, единый живой организм, изысканно уравновешенный во всех своих частях, и тупые груды египетских построек, механически-однообразные, впечатляющие своим объемом, поверхностным орнаментом и неопишущим очарованием нильского ландшафта.

Но какими бы замечательными ни были достижения греков в сфере искусства, еще более значим был для человечества тот импульс, который они придали науке. При них более яркий свет пролился на все отношения человеческой жизни и явления природы. Они подвергли человека и мир более систематическому исследованию, они мыслили о вещах более методично, более здраво, чем кто-либо до них. При этом они ввели в обращение множество новых идей, новых критериев суждения, воплощенных в философских системах, в текущих теориях, в простом языке улицы. Системы философии, разумеется, как системы были временными, неадекватными и полными шероховатостей; каждую из них человечество в конечном счете отвергло; однако многие из идей, составлявших их плоть, многое из их, так сказать, строительных материалов выжило, поскольку имело непреходящую ценность, и стало доступным позже для построения более разумных систем. И во-вторых, помимо нескольких вечно значимых идей, которые представляли собой законченный продукт греческого метода исследования, греки передали миру сам этот метод. Сегодня мы можем видеть, что и этот метод в той форме, в которой разработали его греки, был столь же несовершенен, как и результат, который он давал. Тем не менее это был прогресс по сравнению с тем, что было раньше. Грек был далеко позади современного научного исследователя в своем понимании средств, с помощью которых можно было заставить Природу выдать свои секреты, однако он уже пришел к более справедливому понятию о логическом рассуждении, он более трезво обращался с данными, чем это могло делать человечество в предшествующую эпоху. И каким бы несовершенным ни был его метод, он содержал в себе способы собственного усовершенствования. Люди, начав думать в правильном направлении, должны были продолжать этот процесс дальше и дальше. Потенциальные возможности эллинизма были огромны; обещал он еще больше.

Мы попытались объяснить, что именно имеем в виду под эллинизмом, чтобы представить в более ясном свете то, что отличало цивилизацию, появившуюся в городах-республиках греков между X и IV вв. до н. э., от всего того, что знал доселе мир. Остается рассмотреть вопрос, какова же была судьба этой цивилизации с того момента, как она появилась в мире.

⁶ Τὸ κατ' ἄξιαν ἐκάστοις τηρεῖν, Polyb. V. 90, 8.

Она была развита городом-государством в силу определенных качеств, которыми обладала эта форма ассоциации людей и которых не было у восточного деспотизма, – сравнительно ограниченных размеров, внутренней свободы и обычая вести свободные дискуссии. Однако к IV в. до н. э. стало очевидно, что эти же самые свойства таили в себе серьезные недостатки. Ожесточение партийной борьбы в этих свободных государствах зачастую доходило до ужасной степени и вело к страшным жестокостям. Почти повсюду энергия греческого племени рассеивалась в постоянных раздорах. Сама способность к критике начинала действовать разрушительно на те учреждения, что породили ее. Несовершенства небольшого государства проявлялись все более и более, и тем не менее малые размеры казались необходимыми для свободы. Кроме того, теперь греки страдали из-за своей отсталости в вопросах религии. Иудеи при падении своего государства оставались все же в присутствии Бога живого, который требовал их преданности; греческая же религия была настолько повреждена игрой критики, что при разложении *гражданской* морали у греков не осталось адекватной религиозной традиции, на которую они могли бы опереться.

Опять-таки, разделение греческого племени на множество маленьких государств, хотя и породило несравненных воинов, помешало формированию великой военной державы. Тщетно идеалисты говорили с высоких трибун о совместной атаке всех греков на великую варварскую империю, которая соседствовала с ними с Востока. Персидский царь мог не опасаться все-речь греческих государств; каждое из них было вполне готово получить от него золото, чтобы использовать его против своих соперников, а их страшных воинов он сам массово нанимал в свои собственные армии.

Именно единением огромных сил под властью одного была сильна восточная монархия. Мог ли эллинизм устранить недостатки, вызванные разъединением, заключив некий союз с монархическим принципом? Изменили ли бы греки сами себе, если бы поступили так? Какую цену пришлось бы заплатить за мирскую власть? С этими проблемами в весьма конкретной форме столкнулись греческие политики, когда в IV в. до н. э. на сцене появилась новая сила – Македония.

Македония была монархическим государством, но не того же разряда, что Персидская империя или империи, предшествовавшие Персидской. Она принадлежала скорее к тем государствам, которые лишь наполовину вышли из племенной стадии. «Героическая» монархия подобного толка существовала и в самой Греции, как мы видим по гомеровским поэмам. Возможно, еще больше оно напоминало *старое* персидское царство – такое, каким оно было, когда Кир «вышел как победоносный и чтобы победить»⁷. Основная часть населения состояла из энергичных крестьян, которые все еще сохраняли грубые добродетели, порожденные племенной свободой, и выказывали по отношению к самому царю открытую и независимую манеру держаться. Царь был лишь главой одного из великих семейств, того, которое прежние вожди сделали более мощным и почитаемым, нежели остальные. Другие знатные дома, главы которых некогда сами были царьками, – каждый в своей горной области – теперь образовали наследственную знать, окружавшую и до некоторой степени контролировавшую трон. Однако эта сравнительная независимость не препятствовала выгоде (с военной точки зрения), которая проистекала из концентрации власти в одних руках. Если царь решал идти на войну, он мог созвать все ополчение своего царства, и его народ был обязан повиноваться призыву. Аристократы являлись на войну верхом, и их именовали «спутниками» (ἑταῖροι) царя; пеших крестьян – его «пешими спутниками» (πεζῆταῖροι)⁸. Могучие македонские копейщики считали своего царя не только наследственным вождем, но и хорошим товарищем; и именно осознание

⁷ Цитата из Откр., б: 2. (Примеч. пер.)

⁸ Образование македонской пехоты, безусловно, произошло позже формирования кавалерии «спутников» и, возможно, было делом рук Филиппа. Kaerst, *Geschichte des hellenist. Zeitalters*, I. (1901), p. 136.

этого, как нам кажется, заставляло их с большей гордостью и радостью верно следовать за ним в его постоянных походах по иллирийским и фракийским холмам.

Царь Македонии Филипп II, сделав свое царство самой могущественной державой Балканского полуострова, предстал перед эллинами как их главнокомандующий в борьбе против варваров. Было много факторов, благодаря которым эллины могли принять его в этом качестве, не теряя лицо. Во-первых, хотя македонцы не считались формально эллинами, возможно, они были их близкими родичами – более отсталая ветвь того же родового древа. Во-вторых, сам эллинизм уже глубоко проник в Македонию. Хотя для возникновения эллинизма требовался определенный набор политических условий, значительная часть эллинизма – комплекс идей, литературных и художественных вкусов, – появившись однажды, *могла быть передана людям, которые сами не жили в тех же условиях, что и греки*. Итак, мы видим, что к IV в. до н. э. эллинизм уже оказывал влияние за пределами собственных границ. Финикийцы на Кипре, например, а также ликийцы и карийцы были отчасти эллинизированы. Но ни в одной стране эллинская культура не господствовала больше, чем в соседней Македонии. Правящий дом претендовал на чисто греческое происхождение и возводил свой род к древним царям Аргоса. Двор был местом, куда стекались греческие ученые, философы, художники и искатели приключений. Мы помним, что Еврипид закончил свои дни при царе Архелае. Филипп, который часть своей юности провел в качестве заложника в Фивах, был очень хорошо знаком с греческим языком и литературой. Человек, в котором мудрость греков достигла своих вершин, был нанят, дабы обучать его сына. Собственные идеи Александра происходили из героической поэзии Греции. Знать в целом подражала двору; можно предполагать, что они в общем и целом понимали греческий. За небольшими исключениями, и их имена были чисто греческими.

Должны ли эллины принять условия Филиппа – конфедерацию под господством македонцев против варварского мира? В большинстве греческих государств на этот вопрос – ключевой вопрос дня – отвечали «да» или «нет» с яростью и партийной риторикой. Ответ «нет» нашел свое бессмертное воплощение в устах Демосфена. Однако история решила в пользу «да». Филипп, предлагавший эти условия, обладал властью принуждения.

Итак, эллинизм вошел в совершенно новую главу своей истории. С одной стороны, независимое существование государств, обусловивших его рост, было обречено; с другой стороны – появилась гигантская военная мощь, вдохновленная эллинскими идеями. Распад македонской империи после смерти Александра действительно дал греческой независимости передышку дома и подверг опасности подъем греческой культуры на заново завоеванных территориях. Однако в течение длительного времени правящими силами на Балканском полуострове, в Малой Азии, Египте, Вавилонии, Иране, в стране, где течет Инд, – во всех тех странах, которые принадлежали к арийской и семитской цивилизациям, – оставались монархические дворы, *греческие по своему языку и образу мыслей*.

Затем, когда греческие династии начали сходить на нет, когда корона, как кажется, уже собиралась вернуться в руки варваров, Рим, истинный наследник Александра, сам переняв всю умственную и художественную культуру, которой он обладал, от греков, выступил на сцену, дабы поддержать господство греческой цивилизации на Востоке. Индия, безусловно, была потеряна для эллинизма, как и Иран, но на другой стороне Евфрата его власть триумфально возобновилась. Однако эллинизму пришлось заплатить за это свою цену. Закон древней истории был неумолим: большое государство должно быть государством монархическим. Рим, став мировой державой, превратился в монархию.

Итак, это вторая глава в истории эллинизма: его распространяли и поддерживали царидеспоты, сначала македонские, а затем и римские. Результат был таков, какого можно было ожидать. Во-первых, эллинизм распространился далеко за пределы своих первоначальных границ: сосуд был разбит, и долгое время таившийся эликсир излился на окружающие народы. С другой стороны, внутреннее развитие эллинизма остановилось. Смерть не пришла сразу.

Только когда страны Средиземноморья оказались объединены под единым правлением Рима, греческие государства потеряли всякую независимость в своих действиях. Научные исследования под покровительством царей значительно продвинулись вперед за несколько столетий после Александра, теперь, когда македонское и римское завоевания открыли новое поле деятельности для духа исследования, который развился среди эллинов до того, как их покорили. Но после Аристотеля философия уже не достигала новых высот: труд более поздних школ в основном популяризировал идеи, которые уже были достигнуты немногими. Литература и искусство после начала македонской империи стали приходить в упадок: и то и другое отныне воплощало только упорный труд и воспроизводило произведения более свободной эпохи, за исключением нескольких более поздних цветков (например, художественные школы Родоса и Пергама), в которых текли старые соки – пока не высохли. Учеба – старательная, механическая, лишенная прогресса – заняла место творчества. Что же касается *нравственной* стороны эллинизма, то мы видим, что гражданский патриотизм в значительной степени сохранялся еще долго как в старых греческих городах, так и в новых, которые возникли по всему Востоку. Там, где патриотизм уже не мог принимать форму управления и защиты города как суверенного государства, он все еще мог тратить деньги и труд на работы во благо основной массы граждан или для того, чтобы город стал прекрасен на вид. Руины греческих построек, рассеянные по всей Малой Азии, в основном принадлежат римским временам. Сами Афины выглядели при Адриане более блистательно, чем при Перикле. Но даже этот поздний патриотизм постепенно вымер.

Не только сам монархический принцип был неблагоприятен для развития греческой культуры. Монархия начинала все больше и больше походить на деспотические государства прежнего мира, которые она заменила. Мы знаем, как быстро Александр принял одеяние и образ персидского царя. Первых римских императоров сдерживали традиции Республики, но они постепенно устарели, и двор Диоклетиана или Константина уже ничем не отличался от того типа, который мы видим на Востоке.

Именно в ранней фазе этой второй главы эллинской истории мы можем наблюдать карьеру династии Селевкидов. Большая часть империи Александра некоторое время находилась под властью Селевка и его потомков, и именно *эта* часть заключала в себе места, где располагались все древние цивилизации, за исключением египетской. Именно под эгидой дома Селевка эллинизм в III в. до н. э. укоренился во всех странах от Средиземноморья до Памира. Мы везде видим эллинскую цивилизацию, все еще воплощенную в форме городов-государств, но городов-государств подчиненных, спорящих с двумя противоположными принципами – монархии и варварства, однако вынужденных вступить в компромисс с первым из них, дабы спастись от второго. Мы видим, что династия, воплощающая эллинизм, становится все более слабой и пустой, пока римляне, отражая армянское вторжение из Сирии, не находят в живых лишь ее тень. Наконец, в организации и учреждениях Римской империи мы видим многое, что было заимствовано из эллинистических государств, существовавших раньше.

Мы попытались определить значение селевкидской эпохи, показав место, которое она занимает в древней истории. Однако нам мало чем помогло бы, если бы мы остановились здесь и не задались вопросом: в каком отношении развитие древней истории в целом находится к современному миру, частью которого мы являемся? Тот эллинизм, который так важен для древней истории, развивавшийся в городах-республиках Греции, распространенный Александром, поддержанный Селевкидами и Римом, связанный с падением Римской империи, – что же стало с ним в протекшие с тех пор века?

Ни одно противопоставление не встречается сейчас чаще в устах широкой публики, чем противопоставление Востока и Запада, европейского и восточного духа. Мы знаем о превосходстве, материальном господстве европейской цивилизации. Однако, когда мы начинаем анализировать это отличие «европейского», когда мы говорим, каковы именно те качества, в кото-

рых западное контрастирует с восточным, – оказывается, что это именно то, что отличало древний эллинизм от Востока той эпохи. С нравственной точки зрения гражданин современного европейского государства – как и гражданин греческого города – сознает, что принимает участие в управлении, что он отличается от восточного человека более высокой политической моралью (более высокой – несмотря на все ее недостатки), более мужественной самодостаточностью и большей силой инициативы. С интеллектуальной точки зрения именно критический дух лежит в основе его политического чувства, его завоеваний в сфере науки, его трезвой и мощной литературы, всех его представлений, проверенных на практике, его силы связной мысли. И откуда же современный европеец получил все эти качества? Их нравственная часть в большой степени произрастает из того же источника, как и в случае с греками – из политической свободы; интеллектуальная их часть – прямое наследие греков. *То, что мы именуем западным духом наших дней – на самом деле воплощенный эллинизм.*

Наша привычка говорить о «восточных» и «западных» людях, как будто бы это были две породы человека, отличительные качества которых происходят от их географического положения, как правило, скрывает от нас реальные факты. На самом деле Запад не всегда был «западным». До того как возникла эллинская культура, племенная система в Европе бытовала неведомо сколько веков и не было никакой разницы с племенной системой в том виде, в котором она существовала и продолжает существовать в Азии. Тогда на Востоке тенденции, которые способствовали более крупным объединениям, привели к монархии, как единственному принципу, на котором могли быть основаны такие объединения. Азия могла предъявить свои свободные племена и деспотические царства как единственные два типа ассоциации людей. Народы Южной Европы, судя по всему, на некоторое время избежали этой дилеммы и установили третий тип. Этот третий тип действительно просуществовал некоторое время и породил эллинский дух; однако в конце концов город-государство оказался слишком маленьким. Наконец этим народам пришлось принять монархию. *И результат в Европе оказался тем же самым, что и в Азии.* До взлета эллинизма Европа напоминала Азию свободных племен; при поздней Римской империи она напоминала ту Азию, которую широкая публика обычно связывает с термином «восточный», Азию деспотических монархий. Тип характера, произведенный монархией, на обоих континентах оказался одинаков. В Греции и Италии при Константине наблюдались тот же недостаток души, оригинальности, политических интересов; интересы людей были поглощены повседневными делами и теологическими спорами.

Результат на Западе оказался тот же самый – лишь с одной важной деталью, которую мы не учли. Бесплодный, застывший, замерший в пределах старой литературы, сохранился продукт эллинистической мысли – он остался, как сухое семя умершего растения, которое еще может вновь прорасти в благоприятной почве. С вторжением северных народов, которое начало Средние века, Европа снова вернулась к временам, подобным тем, что были до эллинизма; опять воцарилась грубая свобода сражающихся племен, и из этих королевств возникли – достаточно близкие к племенному строю, чтобы сохранить его добродетели, – царства, напоминавшие Македонское. И во всем этом хаосе тщательно подпитывались семена древней культуры; они даже в какой-то небольшой степени приносили свои плоды в нескольких господствующих умах. Затем настал процесс, который мы именуем Возрождением, зерно снова возродилось к жизни – то зерно, которое могло расти и расцвести только в почве свободы. Проблема, неразрешимая для Древнего мира, – как организовать государство, свободное и цивилизованное, которое было бы больше города, – была решена с помощью системы представительства и с изобретением печати, чрезвычайно облегчившим передачу мысли, и еще полнее в последние времена – благодаря вышедшим на сцену новым силам пара и электричества.

Люди Ренессанса подхватили мысль греков там, где греки бросили ее. Старая литература уже не была чем-то, что надо было по-попугайски заучивать: она стала семенем, из которого возникли другие литературы, другие философии и науки, более широкие и более зрелые, чем

античные, но в зародыше своем одинаковые. «Все мы греки», – справедливо сказал Шелли. Ренессанс произошел четыре или пять веков назад: всего лишь столько времени «западный» дух работал в своем новом воплощении, и он достиг заметных результатов. Мы еще не видим, во что он перерастет.

Есть одна, особая сфера деятельности западной цивилизации со времен Ренессанса, которая делает особенно интересной историю македонских царей на Востоке, – распространение господства европейцев на Востоке сегодняшнем. Следствием малых размеров древнего свободного государства стало то, что оно не могло состязаться с великими монархиями мира в военной мощи. Однако эти ограничения были устранены, и в результате государства с западной культурой достигли неизмеримого уровня военного превосходства. Это одна из главных черт современной истории. Итак, вместо того, чтобы внутреннее развитие и внешнее распространение рациональной культуры исключали друг друга, во все эти века они шли бок о бок. Свободные государства смогли, не нарушая собственной свободы, привести под свою власть более отсталые расы земли. Сегодня огромная часть Востока находится под прямым правлением европейцев; возможно, уже скоро это случится с ним всем (если только он не сможет ассимилировать господствующую цивилизацию, как, судя по всему, сделали японцы).

Мы можем с полным правом сказать, что работа, которую делают европейские нации, и прежде всего Англия, на Востоке, – это тот же труд, который был начат Македонией и Римом и разрушен набегами варваров в Средние века. Цивилизация, которая погибла в Индии с исчезновением греческих царей, вернулась в лице британского чиновника. Каков же будет результат? Перед нами разворачивается небывало интересный эксперимент. Те, кто предсказывает его исход какими-то легкими общими словами про вечные различия Востока и Запада, недостаточно размышляли над историей Востока и Запада. У эллинизма пока было еще очень мало времени, чтобы показать, на что он способен.

Каков бы ни был исход, англичан должны особенно интересоваться эти западные цари, которые правили Азией двадцать веков назад. И наши дни связывает с тем временем не только преемственность эллинской культуры. Эллинизм снова жив, как мы уже сказали, в цивилизации современной Европы, но эллинизм – не единственный воодушевляющий принцип этой цивилизации. Наша религия пришла к нам с Сиона. Израиль занимает столь же уникальное положение в мировой истории, как и Греция. Именно при македонских царях на Востоке двадцать столетий назад эллинизм впервые вошел в контакт с Израилем, при Птолемах этот контакт был более или менее дружеским, при Селевкидах он был далек от дружеского – и это закончилось диким взрывом, потрясшим саму основу власти Селевкидов. Это была чрезвычайно значимая в истории человечества встреча – первая встреча двух принципов, которым в сочетании было суждено достичь столь многого. Земли, над которыми правил дом Селевка, земли, на которые он распространил греческую речь и культуру, были теми самыми землями, где впервые расцвела Христова вера; в его царской столице впервые было произнесено слово «христианин». Антиохия стала колыбелью первой церкви язычников.

Глава 2

Природная среда

Западная Азия – вся та группа стран, которые при последнем обороте колеса Фортуны в 323 г. до н. э. попали в руки македонских вождей и они могли делать с ними что хотели, – была местом, где произошло множество историй, поразительных и чрезвычайно значимых для рода человеческого еще до того, как македонцы впервые узнали о ней, и ей было суждено быть почвой для еще более удивительных и важных историй. Она отмечена определенными общими чертами, которые отличают ее от Европы, как отдельный мир, – чертами, которые в значительной степени формируют и определяют происходящие там события, и самая основная из этих черт (хотя она и может показаться совершенно неинтересной) – это в целом низкий уровень осадков. Атмосфера здесь особенно суха.

Последствия этой особенности могут быть очень далеко идущими. Во-первых, большие участки земли либо абсолютно неплодородны – это просто раскаленный солнцем камень и песок – или же могут питать только людей, бродящих со своими стадами по большой территории. Но в то же время эту землю пересекают горные цепи с высокими вершинами, которые перехватывают текучий пар с моря, и он катится по горным склонам в виде рек. Лишь в соседстве с горами и вдоль морского берега оседлое население может сеять и пожинать плоды – или же там, где реки, рожденные в горах, достаточно сильны, чтобы уносить свои воды далеко в пустыню, так что люди, живущие на их берегах, способны восполнить недостаток дождевой воды посредством ирригации. В этой борьбе с пустыней многие реки Западной Азии в конечном счете проигрывают и гибнут, не достигнув моря.

Если взглянуть на карту Европы, можно увидеть, что отмеченные там различные области представляют собой доступные со всех сторон пространства, однако на карте империи Александра лишь часть каждой провинции *имеет значение*. Остальное – пустошь: гладкая пустыня или пустынные горы. Горы, хотя они и перехватывают, и хранят дождь, сами в верхних своих областях всегда бесплодны, и только их нижние склоны и подножия дают средства к жизни цивилизованному населению – населению, которому нужно больше, чем грубым горным племенам с их примитивными жилищами. Отрезки территории между горой и пустыней, берега великих рек, низкие холмы у моря – все это линии цивилизации (фактической или потенциальной) в Западной Азии. Следствие этих условий таково, что через всю историю Западной Азии красной нитью проходит вечное различие между цивилизованными земледельцами равнин и низких холмов и дикими народами гор и пустынь. Великие монархии, которые возникли здесь, редко могли осуществлять свою власть за пределами обрабатываемой земли; горы и пустыня – это другой мир, где они в лучшем случае могут ступать очень осторожно. А для монархических оседлых народов их ближайшие соседи из этого непокорного мира были постоянной угрозой. Это была область хаоса, из которой, как только плотина чуть ослабнет, могли хлынуть орды разорителей. Даже в самые лучшие времена она мешала управлению, предлагая убежище и человеческие ресурсы для всех врагов порядка. Между царскими правительствами и свободными племенами была вековая вражда. Обычной политикой азиатских монархий было просто охранять основные пути сообщения. Такая политика со всей очевидностью следует из того, что цивилизованные поселения были ограничены упомянутыми узкими полосками территории, что основные дороги самой природой ограничены некоторыми определенными линиями. Задачей, стоявшей перед этими правительствами, было не удерживать огромную непрерывную территорию; все было проще – нужно было удерживать эти пути. Важно помнить это в связи с быстрыми завоеваниями – такими, как у Александра. Завоевать Ахеменидскую империю не значило фактически оккупировать всю область в пределах ее крайних границ (на решение

такой задачи потребовалось бы больше времени, чем вся жизнь человека) – но завоевать ее земледельческие области и удерживать соединявшие их дороги.

В этом вечном состязании между цивилизованным правительством и свободными детьми гор и пустынь границы, которые разделяли тех и других, естественно, передвигались. Иногда область, которая могла бы (если на нее потратить достаточно усилий) поддерживать цивилизацию, оказывалась наводнена кочевниками и полностью переходила под их контроль. Так произошло с большей частью страны по нижнему течению Евфрата: некогда многонаселенная, усыпанная цветущими городами, а теперь, при жалком управлении турок, – всего лишь пастбище бедуинов. С другой стороны, иногда и цивилизованному правительству удавалось продвинуться дальше в пустыню, выше в горы – или путем завоевания, или же (чаще) поскольку сильные люди в этих племенах основывали свои монархии, подражая монархиям в долинах. Именно так дело обстояло с персами, которые на заре истории были горными кланами, но при этом обитали в достаточно плодородных долинах.

Однако полное подчинение гор и пустынь было за пределами возможностей любой азиатской монархии. Если великие дороги удавалось защитить от мародеров, то казалось уже, что сделано достаточно. И даже этого ахеменидскому правительству, которое предшествовало Александру, не удалось полностью добиться. С выходом на сцену Александра начал свою работу новый дух – более живой, более бодрый, и прежде всего – более последовательный, чем в любой азиатской монархии. Александр не собирался мириться с тем, что свободные племена бросают вызов его правлению. По долгому опыту общения с иллирийцами и фракийцами македонцы знали обычаи таких народов. Ибо горные племена Азии не слишком отличались от горцев Европы; и те и другие были народами, которые остались на той же стадии варварства, когда жители низин перешли к цивилизации. Весьма значимо то, что Александр, при первом своем появлении в Азии, отправился в карательный поход против писидийцев и племен Антибана⁹. Когда хузии (уксии) чуть позже прибегли к вечному шантажу, они, получив резкий удар, поняли, что обычаи Александра отличаются от обычаев персидского царя¹⁰. Племена пустынь также почувствовали его руку. Он фактически нанес несколько спасительных ударов по скифам центральноазиатских степей; в 323 г. до н. э. он готовился разобраться с бедуинами. Возможно, его политика предусматривала окончательное подчинение гор и пустынь; но к моменту его кончины эта работа была лишь начата, а завершение ее должно было занять целые века.

Когда настанет день снова установить европейское правление в Западной Азии, станет ясно, смогут ли его действия, несравненно более могущественные, чем у любой азиатской монархии, покончить со старыми вольностями гор и пустынь. Созданное наукой оружие уже преображает Ближний Восток. Мы столько слышим о разложении оттоманской и персидской монархий, а их могущество по сравнению с другими государствами так упало, что мы едва ли сознаем, что никогда раньше они не были настолько консолидированы внутренне, что центральное правительство могло бы сделать свою власть всеобщей по всей империи. Некоторые из окраинных провинций империи Александра уже снова оказались под властью европейцев; британские и русские администраторы разбираются с проблемами горных и пустынных племен: с афридиями пограничных холмов и степными киргизами. Однако вместо *сариссы* и лука, с которыми приходилось работать Александру, у его современных наследников есть винтовки и горные батареи, и кто знает – возможно, прогрессивная наука сможет вложить им в руки еще более эффективные орудия господства?

От рассмотрения общих характеристик Западной Азии теперь мы должны перейти к некоторому очерку ее расположения. Огромное плато Центральной Азии с запада граничит с отдельным маленьким плато – Ирана, а с ним на западе соседствует третья, еще более малень-

⁹ Plutarch, *Alex.* 24.

¹⁰ Arr, *Anab.*, III. 17; ср. об Антигоне и коссеях, Diod., XIX. 9, 3.

кое плато, Анатолийское (Малая Азия). Два последних относятся к политической системе Западной Азии. Все эти плато имеют некоторые общие черты. В центре каждого находятся пустыни или в лучшем случае степь, и каждое окружено горными цепями. Между Центральноазиатским и Иранским плато находится горный массив, ядром которого является Памир и ответвления которого – от Гиндукуша до Сулеймановых гор – развернулись, как веер, по Восточному Ирану, стране, которая примерно соответствует современному эмирату Афганистан. Иранское плато опять-таки отделено от Малой Азии горным массивом Армении. Есть в Западной Азии и четвертое плато – Аравийский полуостров; но он, хотя и находился не вне пределов империи Александра (как он ее в идеале себе представлял), лежал вне фактических владений Александра и его наследников и, следовательно, вне сферы наших интересов в этой книге. Все стороны Анатолийского плато спускаются вниз к морю, за исключением стороны, обращенной к Армении. Напротив, Иранское плато ограничено водой только с южной стороны и вдоль части северной, где его край выходит на Каспий. Северо-западный угол Иранского плато смешивается с «альпийской» частью Армении, которая связывает его с Анатолией; по большей части восточной стороны его обрамляет также «альпийская» зона Восточного Ирана (Афганистана), связывающая Иран с Центральной Азией. Во всех других местах плато спускается вниз, к плоской пустыне: на северо-восточном краю – к пустыням Каспийского и Азовского бассейнов (Туркестан), по юго-западному краю – к пустыне, которая в разных своих частях называется по-разному – сирийской, месопотамской и северно-аравийской, но мы, поскольку она лежит в сфере влияния арабов-бедуинов, будем называть просто Аравийской пустыней; и, наконец, на юго-восточном своем крае оно выходит на песчаные дюны Белуджистана. Между пустынями, которые занимают такую значительную часть внутреннего пространства плато, и пустынями морей, которые простираются вне их, проходят пояса горных областей, которые составляют края плато. Анатолийское плато сравнительно невелико, и никакая его часть не находится вне досягаемости дождевых туч (центральная его область неплодородна не из-за нехватки воды), но далее к востоку его пограничные горы и два промежуточных горных массива (Армения и Памир) вместе с длинной грядой гор, которые выступают из Армении между Аравийской пустыней и восточным краем Средиземноморья (составляющим Сирию), – вот эти различные горы и холмы перехватывают всю влагу, что способствует тому, что с обеих сторон у гор образуется несколько плодородных участков. Часть этой влаги протекает внутрь плато, питая какую-то растительность на внутренних склонах и в расщелинах пограничных горных цепей, но, поскольку поверхность гор, обращенная к морю, естественно, получает большую часть влаги, великие реки Ближнего Востока текут не вовнутрь, но наружу, к морю.

Из рек к западу от Ирана самые мощные те две, что берут свое начало в горах Армении и текут через Аравийскую пустыню к Персидскому заливу. Если бы не Тигр и Евфрат, все пространство между Сирией и Ираном было бы одной огромной пустыней. Однако эти реки для Аравийской пустыни стали тем, чем стал Нил для Ливийской; они несут с собой зеленый пояс плодородия и способны поддерживать жизнь в наследовавших друг другу городах. Тигр течет более прямо на юго-восток, параллельно (и не очень далеко от) горным цепям, которые ограничивают Иран; по дороге его пополняют воды, которые эти горы сливают со своих склонов. Оба истока Евфрата текут на запад; потом, как одна река, он поворачивает, входит в Аравийскую пустыню и пересекает ее по диагонали. В одном месте – примерно в 350 милях от устья – он почти смешивается со своим собратом-рекой с Востока. От Багдада на Тигре до Евфрата всего лишь 25 миль. Но потом они снова расходятся и впадают в море (в древности) отдельными устьями; теперь же обе реки действительно соединяются у Курны. Узкая полоска земли между реками в области Багдада отмечает перемену в характере всей страны. К северу от нее страна между двумя реками является пустыней – частью великой Аравийской пустыни, которая раскинулась от Сирии до пределов Ирана, – лишь непосредственное побережье рек

оказывается обитаемым. К югу от нее в древности реки были связаны целой сетью каналов, оживлявших землю – темные речные наносы – и дававших ей необыкновенное плодородие. Это была Вавилония, плоская, изобильная страна, как Египетская дельта, страна пшеничных полей и садов, ив и пальм. Это была самая богатая страна на Ближнем Востоке, место рождения его древнейшей цивилизации, естественное средоточие жизни.

Итак, азиатская часть империи Александра, с которой практически совпадала империя Селевка в тот момент, когда она достигала наибольших размеров, распадалась на несколько четко очерченных областей:

1) «Страна за Тавром», то есть Анатолийский полуостров (Малая Азия) без Киликии¹¹.

2) Сирия и близко связанные с ней Киликия на западе и Месопотамия на востоке, то есть страна арамеев.

3) Низины вокруг Евфрата и Тигра, место расположения древней ассиро-вавилонской цивилизации, наряду с Сузианой (Элам).

4) Иран.

5) Индийские провинции, охватывавшие значительную часть Пенджаба.

Рассказав о ряде событий, которые привели к практическому завоеванию всего наследия Александра Селевком, я намереваюсь в первую очередь проследить историю его наследников до кончины Селевка III – лишь в той мере, в которой она касается первой из упомянутых выше областей – Малой Азии; затем взять каждую из остальных областей по очереди и посмотреть, что можно узнать о жизни каждой из них при этих эллинистических царях.

¹¹ Наши ученые, жившие на Западе, называют эту страну находящейся на *этой* стороне Тавра, ἐπὶ τὰδε τοῦ Ταύρου. Я пишу «за» с точки зрения того, кто находится в географическом центре империи.

Глава 3 Пердикка

Трудно было бы назвать какой-либо другой период в истории продолжительностью в десять лет, помимо царствования Александра, когда столь огромная перемена произошла на таком большом пространстве Земли – изменение, которое до такой степени переменяло бы положение вещей. Внезапно пышность величайшей из когда-либо известных империй была сметена прочь. И сила, занявшая ее место, руководилась идеями совершенно новыми для большей части человечества, идеями, которые до сих пор имели хождение лишь в крошечных эллинских республиках. Весною 323 г. до н. э. весь порядок вещей от Адриатики до самых гор Центральной Азии и пыльных равнин Пенджаба основывался на воле одного человека, одного мозга, вскормленного эллинской мыслью. Затем рука Божия, словно проводя какой-то фантастический эксперимент, устранила этого человека. Кто в тот момент мог бы предсказать, каков будет исход? (Май или июнь 323 г. до н. э.)

Хозяина больше не было, но инструмент, с помощью которого он работал, новая сила, которую он выковал, – македонская армия все еще оставалась непревзойденной. Пока было всего лишь нужно завладеть ею, чтобы править миром. Македонские вожди собрали общий совет рядом с телом умершего царя. Для них всех те перспективы, которые открывал этот внезапный поворот дела, должно быть, казались в то время смутными и странными; их посещали лишь авантюристические надежды и туманные амбиции. Вопросом, требовавшим немедленного внимания, было то, кого поставить во главе империи. Это должна была быть особа из царского дома – в этом все были согласны. Однако царский дом не предлагал блестящего выбора: Филипп Арридей, полоумный сын великого Филиппа от жены-фессалийки; все еще не родившийся сын Александра и иранской принцессы Роксаны (если это оказался бы сын) и Геракл, сын Александра и персиянки Барсины, мальчик, которому было около трех лет. Кандидатуру последнего серьезно пока не предлагали, поскольку, очевидно, считали его незаконным¹². Никто из того огромного населения, над которым предстояло править новому царю, не имел никакого голоса в выборе правителя. Македонцы разбили свой лагерь на вавилонских равнинах; это были люди, которые за одиннадцать лет до того ничего не знали вне узких границ своей собственной земли, а теперь они выбирали царя для половины мира столь же безраздельно, как если бы это был только царь македонцев, как в прежние времена. Немедленно возникли раздоры. Кавалерия, как говорят наши источники, решила ждать сына, которого, как надеялись, должна была родить Роксана; пехота была настроена поставить Филиппа Арридея. Это различие кавалерии и пехоты было не только лишь военным, но и социальным. Точно так же, как средневековый рыцарь находился на более высокой ступени общества, нежели пехотинец, так и мелкие аристократы Македонии следовали за царем в качестве воинов, его «товарищей» (гетайры); обычные пехотинцы набирались из крестьянства. Есть указания на то, что прежде всего узко мыслящие и откровенные македонские копейщики, менее, нежели стоявший над ними класс, открытые либеральным влияниям и большим идеям, почувствовали некоторое отчуждение после бесконечных маршей Александра и тех восточных атрибутов, которыми он себя окружил. Образцом царя для них был все еще царь Филипп; они не хотели бы видеть, чтобы сына их старого хозяина обошли в пользу полуварвара, все еще лишь вероятного наследника Александра. Более того, они ничего бы не выиграли (в отличие от многих аристократов) от раскола империи, и они подозревали, что предложение подождать до родов Роксаны скрывало план вообще лишит империю своего главы. Только тогда, когда

¹² ἀλλ' Ἀλέξανδρος ... οὕτε ἄλλν ἔγνω γυναῖκα πρὸ γάμου πλὴν Βαρσίνης. Plutarch, *Alex.* 21.

дело дошло почти до кровопролития, диспут разрешился посредством компромисса. Филипп Арридей и сын Роксаны должны были править совместно. Пердикка, член старого правящего дома македонской области Орестида, главный из всех вождей, собравшихся в Вавилоне, должен был стать регентом.

Было и много других великих князей и полководцев в царстве – в Вавилонии, в Македонии, в провинциях, которых смерть Александра навела на новые мысли. Удержится ли империя и, если так, каково будет их положение в ней? Развалится ли она на куски и, если так, на что каждый из них сможет наложить руки? За соглашением между кавалерией и пехотой последовало распределение сатрапий. Не говоря уже о возможности добиться большего, никакой заметный человек не мог чувствовать себя в безопасности в грядущие времена, не располагая какой-либо собственной силой. И ни одна сила не могла быть прочно основанной, если бы она не обладала территориальной поддержкой – базой для боевых действий и источником дохода. Именно такие соображения заставили теперь многих из великих вождей, чьи должности доселе были чисто военными, желать управления какой-либо провинцией. Первым, кто ясно увидел, чего требуют новые условия (как говорят нам наши авторы), был Птолемей, сын Лага, самый хладнокровный и рассудительный из полководцев Александра. Именно он, как свидетельствуют они, первым предложил перераспределение сатрапий и завоевал расположение регента, представив это решение как бывшее в интересах последнего, дабы устранить возможных соперников на некоторое расстояние от себя. В любом случае как база, которую можно было защищать и как источник дохода, ни одна сатрапия не могла быть выбрана более мудро, чем та, которую он выделил для себя, – Египет, огражденный безводными пустынями и практически лишенными гаваней берегами, и в то же самое время исключительно богатый, выходящий на Средиземноморье и предназначенный для того, чтобы превратиться в один из величайших торговых путей мира. Однако по большей части новый план был подтверждением статус-кво: единственными новыми назначениями, которые мы должны здесь отметить, были назначение Евмена, греческого секретаря Александра, в Каппадокию, Пифона, сына Кратея, – в Мидию и Лисимаха во Фракию.

Среди заметных фигур великого собрания в Вавилоне тем самым летом 323 г. был один, кто в этой книге заслуживает нашего особого внимания, – могучий юный офицер хорошего македонского происхождения, примерно одного возраста с умершим царем, который завоевал себе честь при Александре, как и его отец Антиох до него – при Филиппе. Звали этого молодого человека Селевком. Он сопровождал царя, когда тот первый раз вступил в Азию в 334 г. до н. э. В индийской кампании 326 г. до н. э. он получил один из верховных командных постов. Его служба (оставшаяся для нас незасвидетельствованной) среди холмов Афганистана и Бухары, несомненно, показала острому взгляду Александра большие способности подчиненного. Он был командиром царских гипаспистов и состоял в штабе царя. При пересечении Гидаспа в одном корабле были Александр, Птолемей, Пердикка, Лисимах и Селевк – очень значимый момент, если вспомнить позднейшую историю этих пяти людей, – и в битве с царем из династии Пауравов, последовавшей за этим, Селевк сражался во главе своего подразделения¹³.

В следующий раз мы слышим о нем два года спустя (324 до н. э.) во время великого брачного праздника в Сузе, когда Александр, вернувшись из Индии, взял в жены дочь Дария и сделал так, чтобы все его полководцы женились на иранских царевнах¹⁴. Невеста, которая досталась на долю Селевка, показывает, насколько высокое место командир гипаспистов занимал в кругу царя. Среди наиболее жестоких противников наступления Александра были два великих князя дальнего Ирана – Спитамен и Оксиарт. Когда Александр захватил горную крепость Оксиарта, в его руки попала семья этого вождя. Тогда Оксиарт заключил мир. Его

¹³ См. Приложение А.

¹⁴ Arr. *Anab.*, VII. 4.

союзник Спитамен уже погиб. Дочь Оксиарта, Роксана, была главной царицей Александра; дочь Спитамена, Апама, в Сузах была выдана за Селевка.

Как любопытный факт уже было отмечено, что из восьми или девяти персидских царевен, упомянутых в связи с этим, только две фигурируют в более поздних источниках¹⁵. Одним из этих исключений, однако, является Апама. Нет никаких сомнений, что ее брак с Селевком не был фиктивным. Она стала матерью его наследника, и ее муж, согласно Аппиану, основал три города, которые носили ее имя¹⁶. Династия Селевкидов, один из корней которой был в Македонии, другим уходила в древние роды Восточного Ирана.

Селевк не был одним из главных деятелей в событиях следующих десяти лет. Но среди фигур второго плана он играл роль, которая снова и снова останавливает на себе наше внимание. Даже если бы это было не так, все равно было бы необходимо сделать общий обзор хода этих событий, чтобы понять ситуацию, когда настало время Селевку выступить на первый план в качестве главного героя. Первое, что сразу обращает на себя наше внимание, когда мы читаем историков этой эпохи, – то, что история мира, как кажется, превратилась в историю македонской армии и ее вождей. Но уже в 323 г. до н. э. два эпизода показывают, что господство македонской армии должно было сократиться и что элементы старого мира, которые она заменила, возможно, преуспеют в том, чтобы вернуть себе свое место. Империя Александра подавила старый варварский Восток; подавила она и старую свободную Элладу. При кончине царя первый еще не шевельнулся; не было никаких непосредственных попыток со стороны восточных народов стряхнуть иго македонцев. Однако как на Востоке, так и на Западе эллины считали, что они вернули себе прежнюю свободу. В самой Греции Афины призвали города к оружию и началась Ламийская война, или же, как греки сами называли ее, Эллинская война. На Дальнем Востоке эллины, которых Александр массово переместил в Бактрию, решились повторить подвиг Ксенофонта и пойти домой через Азию. Большой их отряд, более 20 000 пехотинцев и 3000 всадников, бежал. Оба этих движения македонские вожди пока были способны подавить. Афины и их союзники были раздавлены в следующем году (322 до н. э.) Антипатром и Кратеем. Бактрийских греков встретил Пифон, новый сатрап Мидии, и уничтожил их по приказанию регента¹⁷. Один мятеж македонцам подавить не удалось – на Родосе, который, узнав о смерти Александра, изгнал македонский гарнизон¹⁸ и начал свою жизнь, как независимое греческое государство, которое могло на равных говорить с македонскими правителями мира.

Компромисс, к которому пришли всадники и пехотинцы, начал действовать. В должное время Роксана родила сына – Александра, царя с материнской утробы. Однако вскоре начались проблемы. Быстро стало ясно, что господство Пердикки было чем-то большим, чем согласны были терпеть другие македонские вожди. Не прошло и полутора лет со дня смерти Александра, как в его царстве образовались две враждующие партии. С одной стороны, Пердикка, представлявший центральную власть; простачок и младенец, которых именовали царями, были под его охраной. Олимпиада, мать Александра, поддерживала его всеми силами своего влияния. Дело царского дома фактически было связано с делом Пердикки. Против него объединилась большая часть других македонских вождей. Душою оппозиции был Антигон, сатрап Фригии,

¹⁵ Professor J. P. Mahaffy, *Empire of the Ptolemies*. Махаффи предполагает, что, «когда Александр умер, все это дело посчитали одной большой шуткой». Однако можно вспомнить и о том, что из восьми женихов пять также весьма скоро исчезли со сцены.

¹⁶ App. Syr., 57. Этому утверждению не противоречит то, что Апамай было более чем три. По поводу некоторых из них традиция ясно говорит, что они были основаны Антиохом I, сыном Апамы. Следует заметить, что есть именно три Апамай, про которых определенно говорится, что они были основаны Селевком: (1) Апамея в Сирии на Акси (Оронте); (2) Апамея *condita a Seleuco rege inter Ciliciam, Cappadociam, Cataoniam, Armeniam* [основанная царем Селевком между Киликией, Каппадокией, Катаонией, Арменией] (Plin. *Nat. Hist.*, V, § 127) и (3) Апамея на Евфрате *zeugma*, современный Биреджик (Plin. *Nat. Hist.*, V, § 86).

¹⁷ Diod., XVIII. 7.

¹⁸ Ibid. 8.

однако партия включала в себя и Антипатра, старого полководца Филиппа, который командовал в Македонии с тех пор, как оттуда отбыл Александр, и только что подавил восстание греческих государств; она также включала Кратея, одного из наиболее популярных у македонских воинов вождей, а также Птолемея, сатрапа Египта. Вожди открыто не противостояли власти царей – одному лишь Пердикке; их действия тем не менее фактически были направлены против любой центральной власти. Даже среди тех, кто оставался на стороне регента, было много таких, чьи сердца, как показали дальнейшие события, принадлежали оппозиции. Из великих людей царства только один, помимо Пердикки, был серьезен в защите царского дела – Эвмен из Кардии, главный секретарь Александра, который получил сатрапию Каппадокия. Его вызывающее неприязнь положение как грека среди македонских аристократов делало весьма маловероятными его шансы в схватке полководцев; для него все зависело от поддержания власти царей.

В 321 г. до н. э. противостояние вылилось в открытую войну. Поводом для нее, по крайней мере со стороны Антигона, был его отказ повиниться призыву регента, за которым последовало бегство в Македонию, где Антипатр и Кратей открыто поддержали его ссору с ним. Что касается Птолемея, *casus belli* стал захват им тела Александра – фетиша, который давал огромный престиж тому, кто обладал им. Антигон, Антипатр и Кратей перешли в наступление, перебравшись из Македонии в Малую Азию; Птолемей остался защищать свои позиции в Египте. Чтобы подавить этот двойной мятеж, регент разделил свои войска. Эвмена оставили в Малой Азии, чтобы он выгнал захватчиков. Сам Пердикка с царями отправился на Египет. Тех македонских вождей, что все еще повиновались ему, но были слишком могущественны, чтобы считаться безобидными, он оставил рядом с собой под наблюдением. Ведь политику отсылания возможных конкурентов на безопасное расстояние он уже испытал!

И Селевк, которого мы в последний раз видели как юношу с блестящим будущим в Вавилоне, – на чьей стороне он был во время этих первых лет анархии, последовавших за кончиной Александра? В договоре, который предоставил столь многим его собратьям-вождям часть завоеванных земель, он провинции не получил. Вместо этого ему дали высокую командную должность в имперской армии под командованием регента¹⁹. Едва ли, если бы он сам этого желал, он не смог бы заполучить себе провинцию, как и все остальные. Лисимах, который получил Фракию, возможно, был и младше его. Многие действующие сатрапы не были достаточно значимыми персонами, чтобы не уступить, если бы такой юноша, как Селевк, стал настаивать на своих требованиях. Должно быть, тот командный пост, который он получил, казался ему более выгодным, чем управление провинцией. Безусловно, это была бы более блестящая должность, если бы власть царей и регента могла удержаться. Да, теперь все ясно: его планы подразумевали продолжение империи, он связал свою дальнейшую судьбу с судьбой регента, и он упустил свой шанс в договоре 323 г. до н. э.

Но это было уже два года назад, и, если он тогда не показал того же умного предвосхищения событий, как Птолемей, с тех пор он многому научился. Селевк сопровождал регента в экспедиции против Египта. Возможно, он был среди тех, кого Пердикка считал опасными. Пифон, сатрап Мидии, тоже туда отправился, и Антиген, командир «серебряных щитов», македонской пешей гвардии. Кампания эта оказалась наглядным уроком, причем совсем не таким, как хотелось бы регенту. Для Селевка ясно выявился контраст между его собственным положением – ведь он был связан своей должностью и обречен на постоянное подчинение центральной власти – и положением Птолемея, который продемонстрировал свои способности на умно выбранном и умно подготовленном участке и смог удержать свою независимость против всех атак. Три раза Пердикка пытался пересечь рукав Нила, который отделял Египет от пустыни, каждый раз с огромными потерями. Вскоре его армия была полностью деморализована; множество вои-

¹⁹ См. Приложение В.

нов переходили к Птолемию; те, кто так не поступал, косо смотрели на своего вождя. В таком затруднительном положении Пердикка потерял контроль над собой. Его отношения с македонскими вождями, которых он собрал вокруг себя, обострились. Это была последняя соломинка. Македонские вожди, которых оттолкнуло поведение регента, видя, что его дело проиграно, быстро согласились положить конец этой невозможной ситуации. Пифон, сатрап Мидии, и примерно еще сотня офицеров подняли открытый бунт. Селевк принял сторону победителей. И свой выбор он сопроводил безжалостно энергичными действиями. Он сам повел отряд офицеров кавалерии, которые вломились в палатку регента. К ним присоединились телохранители²⁰, и их командир Антиген сам нанес Пердикке первый удар²¹. Затем масса нападающих кинулись на него и завершили дело²². Армия немедленно примирилась с Птолемеем и вернулась с царями, дабы соединиться с Антипатром и Антигоном, которые шли с севера. Пифон и другой вождь по имени Арридей приняли командование армией и опеку над царями.

Популярный полководец Кратей, который оставил Македонию вместе с Антипатром, ушел из жизни. Его отряд потерпел удивительное поражение от рук Эвмена, и сам он погиб (май 321 до н. э.). Однако эта победа Эвмена не сделала его достаточно сильным, чтобы задержать Антипатра, который пересек Малую Азию посуху, или Антигона, который двигался вдоль берегов морем. Антипатр обнаружил армию (это была армия Пердикки), расквартированную у Трипарадиса в Северной Сирии²³.

Македонская пехота все еще была в раздраженном и подозрительном настроении. Роль ее в убийстве Пердикки, как кажется, в основном была пассивной; аристократы и всадники действовали через голову пехотинцев. И хотя они примирились с изменением командования, они не могли не чувствовать, что в чем-то предводители их обманули. Они охотно ответили на призыв Эвридики, амбициозной супруги Филиппа Арридея, когда она начала жаловаться, что Пифон покушается на права их кумира – бедного недоумка-царя. Пифону и Арридею удалось до некоторой степени усмирить их, отказавшись от регентства; они продолжали осуществлять свои права лишь до появления Антипатра, которого вслед за тем армия выбрала регентом вместо них. Антипатр, великий представитель старых дней Филиппа, должен был все наладить.

Но теперь, когда появился Антипатр, результат был тот, что он также поссорился с македонскими воинами. Дело было в деньгах, которые обещал Александр и которые Антипатр то ли не хотел, то ли не мог выплатить немедленно. Эвридика и сторонники Пердикки довели воинов до бешенства. Армия стояла лагерем на берегах реки. С другой стороны были войска, которые Антипатр привел с собой из Македонии. На верность этих новых рекрутов можно было полагаться вполне, однако большая армия, включавшая в себя ветеранов, завоевавших мир, которая выбрала царей и считала себя суверенной властительницей империи, подняла открытый бунт. Когда Антипатр перебрался через реку, чтобы побеседовать с воинами, его встретили камнями. Двое мужчин противостояли взбешенной толпе и спасли Антипатра. Один из них, как и сам Антипатр, был полководцем времен Филиппа – Антигон, сатрап Фригии, другой принадлежал уже новому поколению и предстал во всем блеске юности и военного престижа – Селевк, командир конницы. У них обоих было достаточно влияния, чтобы отвлечь внимание озлобленной толпы, пока Антипатр бежал по мосту к своему собственному лагерю.

²⁰ ὄλο τῶν σωματοφυλάκων, Paus., I, 6, 3; ср. Just., XIV, 4, 11.

²¹ Diod., XVIII, 39, 6; Arr., Τὰ μετ' Ἀλέξ. 35.

²² Diod., XVIII, 36; Arr., Τὰ μετ' Ἀλέξ. 28; Strabo, XVII, 794; Селевк упомянут вместе с Антигоном, Nepos, *Eum.* 5, 1.

²³ Diod., XVIII, 39, 1. Местоположение Трипарадиса, «Трех садов», точно не известно. Предполагали, что это то же самое, что Парадис, упомянутый у Strabo, XVI, 756; Plin. *N.H.*, V, 19; Ptolemy, V, 15, 20 и у Стефана Византийского близ истоков Оронта. П. Пердризе (*Revue archéol.* 3me série, xxxii, (1898), p. 34 f.) отождествляет его с Риблой (современное Рабле), которая фигурирует в Ветхом Завете как врата в Южную Сирию с севера. Это отождествление оспаривает Р. Дюссо (*Revue archéol.* 3me série, xxxii, (1898), p. 113 f.), который располагает ее у Джусии. Эта разница во мнениях не слишком важна, поскольку расстояние между Джусией и Риблой, как говорят, «полчаса на лошади шагом».

Здесь к нему присоединились офицеры конницы, и перед лицом объединенной воли своих наследственных вождей пехоте с неохотой пришлось утихомириться и подчиниться²⁴. Приход Антипатра к регентству принес с собой (как и вступление в эту должность Пердикки) перетасовку должностей в империи. Функции, которые были объединены в лице Пердикки, разделили между Антипатром, ставшим опекуном царей, и Антигоном, принявшим должность главнокомандующего всеми македонскими войсками в Азии с задачей подавить Эвмена и остаток старой роялистской партии. Антигон, конечно, продолжал владеть своей старой сатрапией во Фригии, к которой теперь добавилось его новое военное командование. Различные изменения в то же самое время были сделаны и в отношении других сатрапий. Ценность территориальной базы стала еще более очевидна теперь, чем была три года назад. Пифон отправился обратно в Мидию; Арридей получил Геллеспонтскую Фригию. Для Селевка договор в Трипарадесе вернул шанс, который он упустил при договоре в Вавилоне. Роль, которую он сыграл в спасении жизни Антипатра, поставила его в сильную позицию. Возможно, теперь было уже немного сатрапий, в которых ему могло бы быть отказано, если бы он попросил. Его выбор теперь показывает, как он изучил пример Птолемея. Отдав свое командование гетайрами Кассандру, сыну Антипатра, он стал править провинцией, которая из всех частей империи имела больше всего общего с Египтом, – провинцией Вавилония.

Ввиду огромной важности Вавилонии среди других провинций сначала кажется удивительным, что после кончины Александра она досталась не кому-то из великих вождей. Она была отдана некоему Архонту из Пеллы²⁵. Объясняется это, безусловно, тем, что Вавилон должен был быть штаб-квартирой правительства регента, и Пердикка не хотел иметь непосредственно рядом с собой слишком могущественного правителя. Сатрап Вавилонии должен был быть всего лишь подчиненным даже в своей собственной столице. Архонт не радовался этим обстоятельствам, как мы можем судить из того факта, что через два года он оказался в оппозиции Пердикке (или же Пердикка, во всяком случае, считал его оппозиционером). Регент – находившийся тогда в Киликии по дороге из Малой Азии в Египет – послал одного из своих офицеров, которым он доверял, Докима, чтобы тот заменил Архонта; бывший сатрап должен был стать просто собирателем дани с провинции. Архонт попытался удержать свою сатрапию военной силой. Однако к эмиссару регента присоединилась часть населения провинции, и в последовавшей стычке Архонт пал, смертельно раненный. После этого Вавилон принял Докима с распростертыми объятиями; тот удерживал его для Пердикки, покуда несколько месяцев спустя ситуация внезапно не изменилась. Регент лежал, истекая кровью из множества ран, на берегу Нила, и оппозиция восторжествовала. Нельзя было ожидать, что Доким останется на своей должности. Вавилонию вожди в Трипарадесе передали Селевку²⁶.

Что после этого произошло между Докимом и Селевком, мы не знаем²⁷. В следующем году Селевк владел Вавилоном, а Доким с другими сторонниками покойного регента скрылся в холмах Писидии²⁸. Положение сатрапа Вавилонии приобрело дополнительную важность после новых назначений. Теперь его уже не затмевал имперский двор. Два вождя, унаследовавшие власть Пердикки, располагались один в Македонии, а другой – в Келенах (Фригия). Селевк теперь стал хозяином наследства Навуходоносора. На тех же террасах, где тремя столетиями раньше бродил Навуходоносор и говорил: «Это ли не величественный Вавилон, который построил я в дом царства силою моего могущества и в славу моего величия!» (Дан., 4: 27),

²⁴ Diod., XVIII. 39; Arrian, Τὰ μετ' Ἀλέξ. 30 сл.; Polyæn. IV. 6, 4.

²⁵ Diod., XVIII. 3, 3; Just., XIII. 4, 23; Arg. *Ind.*, 18. 3. Мазей скончался в 328 г., и Александр назначил на его место Стамена. Был ли Стамен уже мертв в 323 г., или его просто заменил Архонт, мы не знаем.

²⁶ О Докиме и Вавилонии см.: Arg., Τὰ μετ' Ἀλέξ. *frag.* Reitzenstein (*Breslauer Philologische Abhandlungen*, vol. iii).

²⁷ «Principio Babylona cepit» («Вначале захватил Вавилон», Justin, XV. 4, 11), на что в связи с этим ссылается Баумштарк (*Pauly-Wissowa*, статья Babylon), описывает захват Вавилона в 312 г.

²⁸ Diod., XVIII. 44.

теперь ходил, как господин, юный македонец и смотрел на тот же самый Вавилон, простиравшийся перед ним на юг, как на свои владения.

Глава 4

События на Востоке, 321–316 гг. до н. э

Вавилония, у которой было столько общего с Египтом, отличалась от него одним, как к своей выгоде, так и невыгоде – своим центральным положением. Через Евфрат и Северную Сирию она соприкасалась со Средиземноморьем и Западом, в то время как несколько дней пути через долину отделяли Тигр на востоке от горной гряды, за которой вздымалось Иранское плато – Иран, где облик мира и обычаи людей так отличались от тех, что господствовали при реках вавилонских. Если человек хотел править всей империей Александра, то Вавилон был лучшим местом для правительства, чем Египет; если же, с другой стороны, правитель Вавилонии был недостаточно силен, чтобы надеяться на большее, чем просто независимость, он, конечно, должен был бы больше ввязаться в дела своих соседей, чем правитель Египта. Селевк должен был с тревогой следить за ходом событий в землях вокруг Средиземноморья, где, как казалось, восходила звезда Антигона, и в Иране, где македонские вожди, македонские и греческие армии все еще были сомнительным элементом.

Среди восточных сатрапов были два вождя первой величины: Пифон и Певкест. Оба принадлежали к внутреннему кругу из восьми соматофилаков, которые находились ближе всего к покойному царю. Эти двое людей были ключевыми персонажами в тот момент в Иране.

Пифон, сын Кратея из Алкомен в Эордее²⁹, получил сатрапию в Мидии при разделе в Вавилоне после кончины Александра. Ни у кого из тех, кто отправился в свои провинции, сердце не было настолько полно грандиозных проектов; никто быстрее него не осознал перспектив для амбиций отдельной личности при новом положении вещей. Его провинция была самой важной в Иране. В Экбатанах располагалась столица первого иранского царства. При Ахеменидах они все еще продолжали быть одной из великих столиц империи, летней резиденцией персидских царей. Мидия считалась богатейшей из всех иранских провинций, как показывает цифра, в которую оценил ее Дарий³⁰. Ее горные равнины были прекрасными пастбищами; они питали неисчислимые табуны коней – лучших в мире. На ее холмах поселились отважные племена, предки современных курдов, у которых правитель Мидии мог получить огромные ресурсы бойцов³¹. Для амбициозного человека владение Мидией открывало широкие возможности.

Правитель, восседавший в золотом дворце Экбатан, уже пользовался неким первенством среди сатрапов Ирана. Превратить это первенство в абсолютное господство над Ираном и отсюда ступить – куда? на трон Александра? – такие мысли, наверное, витали в уме Пифона. Первая возможность пришла к нему вскоре после смерти Александра во время восстания греков, размещенных на Дальнем Востоке. Регент Пердикка не только поручил Пифону подавить мятеж, но и послал большие подкрепления его войскам, и он получил полномочия обращаться к другим сатрапам Ирана за военной помощью. Именно тогда у Пифона появился план переманить взбунтовавшихся греков под свои знамена – этот план рухнул только благодаря хитрости регента, который передал мятежников македонцам как военную добычу³².

С тех пор регент, судя по всему, считал разумным удерживать Пифона в своей собственной свите; такая перемена в положении Пифона объясняет то, что в 321 г. до н. э. он перебежал к Птолемею³³. После убийства Пердикки Пифон становится сорегентом империи вместе с Арри-

²⁹ Arr., *Ind.*, 18, 6; *Anab.* VI. 28, 4.

³⁰ Hdt., III. 92.

³¹ Polyb., V. 44; Strabo, XI. 525.

³² Diod., XVIII. 7.

³³ Diod., XVIII. 36.

деем. Затем, после раздела в Трипарадесе, когда Селевк отправился, дабы принять власть над Вавилонией, Пифон вернулся в Мидию, дополнительно повысив свой престиж.

Другим великим сатрапом Востока был Певкест из Мизы в Македонии. Пока он не стал восьмым из семи соматофилаков, Певкест нес перед Александром священный щит, взятый из храма Афины в Трое³⁴, и прикрывал собой Александра при штурме города маллов (современный Мултан). И свою сатрапию, Персиду, он получил от самого Александра: это была страна племени, правившего среди иранцев, с Пасаргадами, колыбелью дома Ахеменидов, и Персеполем, царским городом. Певкест от души принял участие в осуществлении столь дорогой сердцу Александра идеи – объединить македонскую и персидскую аристократию. Своей одеждой, языком, поведением он делал все, чтобы показать людям в провинции, что он один из них³⁵. На момент кончины Александра его власть уже вполне укоренилась.

Амбиции Пифона были таковы, что он не мог ждать, когда плод созреет. Внезапно разлетелась весть, что он захватил прилегающую провинцию Парфия. Он устранил Филиппа, сатрапа, назначенного в Трипарадесе, и заменил его собственным братом Евдамом. Все прочие сатрапы почувствовали, что их владения находятся под угрозой, и быстро договорились об отражении агрессии Пифона. Движение против Пифона дало Певкесту возможность обеспечить себе лидерство, потому что среди них не было другой столь же значимой персоны. Так он и поступил, и его охотно признали вождем. Армии Ирана вторглись в Парфию под его командованием и выгнали Пифона из его провинции³⁶.

Пифон сначала ушел в Мидию, но и там он не мог чувствовать себя в безопасности. Теперь он появился с каким-то числом спутников в Вавилоне и обратился к Селевку, дабы объединиться с ним и разделить выгоду от этого. Положение было затруднительное. Интересы Селевка требовали, чтобы он держался подальше от этой смуты, пока не консолидирует свою власть. Однако в Вавилоне сделать это было нелегко. Он мог отказаться от предложения Пифона, однако на горизонте маячили новые затруднения. Проблемы на Западе должны были слиться с иранскими проблемами.

Кончина Пердикки оставила его партию, роялистскую, которая выступала за то, чтобы империя оставалась единым целым под центральной властью царского дома, очевидно, обреченной на гибель. Эвмен, который в любом случае был единственным выжившим ее защитником, остался изолированным в Малой Азии. И в следующем году после договора в Трипарадесе Антигон с величайшим успехом провел войну с Эвменом и запер его в каппадокийской крепости Нора (320 до н. э.). Затем неожиданно перспективы роялистской партии улучшились. В 319 г. до н. э. скончался регент Антипатр. Он завещал свою великую должность вождю по имени Полиперхонт. Именно эта передача высшей власти возродила роялистское дело: во-первых, Антигон теперь повел настолько мастерскую и независимую политику в Малой Азии, что многие, кто поддерживал его из-за страха перед Пердиккой, стали не меньше бояться Антигона. Например, Арридей, сатрап Геллеспонтской Фригии, и Клит, сатрап Лидии, скоро стали его врагами и тем самым – союзниками Эвмена и роялистами. Во-вторых, сын Антипатра, Кассандр, должен был занять место своего отца и ожесточенно противостоял новому регенту. Он объединился с Антигоном. Вследствие этого Полиперхонт был вынужден заключить союз с царицей-матерью Олимпиадой, чью власть поддерживали роялисты. Роялисты уже не были преследуемыми изгнанниками: на их стороне был регент империи.

Результат этих перемен вскоре увидели в Малой Азии. Осада Норы была снята; Эвмен снова был признан высшей властью в Македонии главнокомандующим Азией, и избранный корпус македонских ветеранов, «серебряные щиты», которым командовали Антигон и Тевтам,

³⁴ Arr. *Anab*, VI. 9, 3; 28, 4.

³⁵ *Ibid.*, 30.

³⁶ *Diod.*, XIX. 14.

поступил под его командование. Он также по царскому указу захватил сокровища, которые были перевезены из Суз в Киинды в Киликии. В 318 г. до н. э. он оказался в Финикии и готовил флот, который должен был преследовать сторонников Антигона с моря.

Однако новые надежды роялистов были разрушены неблагоприятным событием – тем, что Антигон уничтожил флот Клита в Боспоре. Это совершенно нарушило планы Эвмена и даже сделало непрочным его положение в Финикии между Антигоном и Птолемеем. Однако этот поразительный человек, которого ни одна катастрофа не могла заставить полностью исчерпать свои ресурсы, обратил свой взгляд к другой области, где он мог нанести значимый удар. Он увидел, что положение в Иране, которое было создано конфедерацией против Пифона, можно повернуть к его выгоде. Союзные сатрапы фактически отождествили свои интересы с интересами роялистской партии. Мелкие вожди знали, что потеряют гораздо меньше, если будут до какой-то степени подчинены центральной власти, чем если их зверски проглотит Антигон или Пифон. Соответственно, примерно к моменту битвы в Парфии Эвмен двинулся к востоку и пересек Евфрат – очевидно, безо всякого сопротивления. Амфимах, сатрап Месопотамии, был его союзником³⁷. Зимние квартиры (318–317 до н. э.) Эвмена разместились в пределах сатрапии Селевка, в некоторых деревнях, которые именовались «деревнями карийцев» (Καρῶν κώμαι)³⁸. Вот что случилось с надеждами Селевка держаться подальше от всяческих схваток!

В Вавилонии не было сил, которые Селевк осмелился бы противопоставить «серебряным щитам» под командованием Эвмена. Эвмен провел зиму в этих деревнях безо всякого беспокойства и призвал через вестников Селевка и Пифона прийти на помощь царям. Эти вожди все еще считали, что союз с Эвменом, презренным греком, невозможен, и отказались видеть в нем представителя царей. Однако послания, которые он отослал союзным сатрапам, встретили благожелательный прием. Его послание нашло объединенную армию, которая разбила Пифона, все еще нераспущенной. Эвмен решил, что окрестности Сузы станут местом, где весной он встретится со своими войсками.

Агенты Селевка и Пифона тщетно пытались зимой поколебать верность «серебряных щитов», и весной (317 до н. э.) армия Эвмена двинулась в путь. Селевк скоро узнал, что тот разбил лагерь на берегах Тигра лишь в 34 милях от Вавилона. Фактически Эвмен приблизился к Вавилону больше, чем позволяла безопасность. Он уже истощил страну между двумя реками и мог найти припасы, лишь перебравшись на восточную сторону Тигра. И здесь, столь близко к столице, Селевк вполне мог сделать переход через реку практически неосуществимым. Но Селевк, со своей стороны, совершенно не хотел, чтобы враждебная армия, к тому же включавшая в себя «серебряные щиты», находилась у него под дверью. Заблокировать продвижение армии было для него столь же опасно, как позволить ей продвигаться дальше, в Сузиану. Все было бы хорошо, если бы только он мог убедить «серебряные щиты» дезертировать, и в таком безвыходном положении он отчаянно уцепился за эту призрачную надежду. Он послал посольство на кораблях, которые Александр построил в Вавилоне как раз перед своей кончиной, чтобы они сделали эту последнюю попытку; но «серебряные щиты» остались верны Эвмену. Тогда агенты Селевка попробовали более убедительный метод принуждения. Они открыли древний канал, который уже занесло илом, и лагерь Эвмена затопило. Эвмен оказался в тяжелом положении. На следующий день его войска, значительно превосходившие посланные Селевком силы, захватили плоскодонки, в которых прибыли последние, и большей части армии удалось пересечь реку. На следующий день местный житель показал ему, как можно осушить воду, и, когда командиры Селевка увидели, что он начал это делать, они перестали оказывать какое-либо сопротивление переправе.

³⁷ Diod., XIX. 27, 4.

³⁸ Ibid., 12, 1.

Селевк никогда (если картина, приведенная выше, верна) не жаждал задержать его, но альтернативой было только позволить Эвмену и сатрапам объединиться. Объединенная сила, безусловно, могла его раздавить. Чтобы встретить эту опасность, Селевк был вынужден обратиться к Антигону.

Сам Антигон уже находился в Месопотамии, преследуя Эвмена, когда его нашли вестники Селевка. Фактически он перезимовал там, надеясь, что, когда весна позволит продолжать боевые операции, он сможет встретиться с Эвменом до того, как тот объединится с сатрапами. Для этого было уже слишком поздно, и он был вынужден на некоторое время оставаться без движения в Месопотамии, набирая новых рекрутов для грядущей кампании. Летом 317 г. до н. э. он наконец прибыл в Вавилон и составил план совместных с Селевком и Пифоном операций. Каждый предоставил свои контингенты. Затем вся армия с тремя полководцами пересекла Тигр, и началась новая фаза великой войны диадохов.

В наши задачи не входит следовать за всеми их передвижениями. Сатрап Вавилонии уже на ранней стадии прекратил действовать совместно с основной армией. Первой целью Антигона стали Сузы, и до них он добрался беспрепятственно. Однако союзные сатрапы оставили там гарнизон, который должен был удерживать крепость и хранить сокровищницу. Антигон, уже принявший высшую власть, предписал Селевку присоединить сатрапию Сузиана к своей и оставил ему подразделение, чтобы подавить войска в крепости, пока он сам идет на Мидию. Ксенофил, командир гарнизона, видимо, не был настроен сопротивляться особенно жестоко. В любом случае мы видим, что год спустя он продолжал занимать свой пост хранителя сокровищницы, но теперь он уже стал подчиненным Селевка.

В течение года с того дня, как Антигон перебрался через Тигр, взаимная ревность сатрапов и предательство «серебряных щитов» привели Эвмена в руки его врагов. Антигон казнил его. Таким образом, роялистская партия в Азии была уничтожена. Антигон теперь господствовал во всей стране от Средиземноморья до Центральной Азии. Тогда македонские аристократы, которые с таким недовольством шли за Эвменом, поняли, что с его исчезновением основная опора их защиты рухнула.

Эвдам (не брат Пифона, а убийца царя Пора), человек, чьи 120 слонов придавали ему вес среди союзных сатрапов, был среди первых, кто погиб по слову Антигона. Антигон, один из командиров «серебряных щитов», ставший сатрапом Сузианы в Трипарадесе, был сожжен заживо. Но новый господин Азии не терпел не только своих недавних конкурентов. С ними, если они не могли причинить ему особых неприятностей в будущем, он еще мог договориться. Обречены были не те, кто сражался за дело царей, а те, у кого была какая-то власть или престиж, которые могли бы угрожать новой монархии.

Например, не осталось места в мире одновременно для Антигона и Пифона. Зимой (317/316 до н. э.) Антигон разместил свои войска в Мидии, и Пифон быстро занялся секретной работой среди них. Антигон не осмелился открыто атаковать предполагаемого союзника. Поэтому он заманил его на «дружеские» переговоры и затем немедленно приказал казнить его. Чтобы владение Мидией не позволило кому бы то ни было строить те же планы, что и Пифон, Антигон установил над ней двойную власть (по системе Александра), назначив местного сатрапа и одновременно македонца, который должен был командовать войсками.

Захватив слитки драгоценных металлов в сокровищницах Экбатаны и содрав с дворца серебряную черепицу³⁹, Антигон перебрался в Персиду. Здесь, в доме ахеменидских царей, он решил заново распределить восточные сатрапии. Пока сын Александра был жив, он не решился принять титул царя, но фактически он был царем Азии, и местные жители принимали его с царскими почестями. Действительно, для него было бы опасно злоупотреблять своей властью в более далеких провинциях, куда его оружие никогда не приближалось и чьи сатрапы – как

³⁹ Polyb., X. 27, 11.

македонцы, так и местные жители – пользовались любовью своих подданных. Сатрап Арии был заменен протеже Антигона. Амфимаха, сатрапа Месопотамии, который присоединился к Эвмену, заменил некто Блитор⁴⁰. Более отдаленным провинциям было разрешено сохранить свое правительство.

Теперь, когда уже не было Пифона, Певкест остался самым опасным соперником Антигона на Востоке; осталось разобраться с ним. Судя по всему, пребывание Антигона в Персиде дало ему понять, насколько велика была популярность Певкеста среди его местных подданных и насколько тревожащей была его сила. Антигон объявил о его смещении. Это немедленно подняло целую бурю. У одного персидского аристократа достало смелости сказать Антигону в лицо, что персы не будут слушаться никого другого. Антигон велел казнить этого человека, но он счел разумным не использовать никакого насилия против Певкеста. Напротив, он решил выманить его из страны заманчивыми обещаниями. Может быть, Певкест ему и поверил; может быть, он думал, что наиболее безопасно для него будет согласиться со всем, что предложит Антигон. В любом случае с этого момента он бесследно исчезает со страниц истории. Вместо него Персидой стал править сильной рукой правитель, назначенный Антигоном.

Теперь пришло время Антигону обратить свое внимание на Запад. Он отправился туда через Сузиану. Перебравшись через Паситигр, он встретился с Ксенофилом, хранителем города Сузы. Ксенофил объяснил, что Селевк, правитель страны, приказал ему предоставить царские сокровища в распоряжение Антигона. И теперь Антигон наложил руки на сказочные сокровища «дворца Шушан». Вьющаяся виноградная гроздь из золота, которая столь же занимала воображение греков, как изображение наших отцов – украшенный павлинами трон Великих Моголов, стала его собственностью. Когда он ушел из Суз, 5000 талантов, которые он привез из Экбатаны, превратились в 25 000.

Селевк был последним оставшимся к востоку от Евфрата правителем, которого Антигон мог считать своим соперником. Сатрап Вавилонии усвоил уроки, которые преподали ему судьбы Пифона и Певкеста. Должно быть, он горько ощущал на себе различие между своим положением и положением Птолемея в Египте. Он сделал все, что было в его силах, чтобы не вмешивать свою провинцию в военные столкновения, и теперь он должен был задать себе вопрос, удастся ли ему удержать ее вообще. Удерживать Вавилонию военной силой против Антигона было невозможно. Его единственным шансом было примириться с завоевателем, и если бы ему это не удалось, то Селевку оставалось только выйти из игры и спасти свою жизнь в надежде дожидаться более счастливых времен.

Армия Антигона с огромным обозом из телег и верблюдов, которые везли добычу с Востока, двинулась из Суз на Вавилон. Но отправлению в путь предшествовала зловещая перемена в настроении Антигона. Провинцию Сузиана, которую в тяжелой военной ситуации он передал Селевку, он снова забрал у него и передал местному правителю. Селевк принял в Вавилоне Антигона и его войска со всеми любезностями и роскошными развлечениями, какие только могли погасить его подозрения. Но он был начеку, ожидая малейшего знака враждебности со стороны Антигона, дабы избежать судьбы Пифона. Долго ждать ему не пришлось. Антигон, заявив, что какой-то его поступок был-де нарушением порядка, попросил его отчитаться за свое управление. Селевк не мог согласиться с таким требованием, не отказавшись полностью от всех притязаний на независимость. Он затянул эту дискуссию на несколько дней, и, пока Антигон, несомненно, ожидал чего-то такого, что могло бы стать удобным предлогом для ареста, Селевк внезапно исчез. Он скакал, спасая свою жизнь, с пятьюдесятью всадниками в Египет – единственное безопасное место; Птолемея считали человеком великодушным. Возможно, он вспомнил о том, что тот самый человек, от которого он теперь бежал, сам таким же образом бежал от Пердикки.

⁴⁰ App. Syr., 53.

Глава 5

Селевк завоевывает Восток

Прошло семь лет с кончины Александра, и Селевк после всех этих лет оказался лишенным земли беглецом. В общем и целом эти годы сделали все положение намного более простым. Старый царский дом Македонии стал практически пренебрежимой величиной, хотя мальчик Александр был все еще жив и его называли царем. Ибо на Западе 316 и 317 гг. до н. э. также завершили судьбу царского дома. Во-первых, вследствие катастрофического сражения на Боспоре в 317 г. до н. э. Греция по большей части была вырвана из рук регента Полиперхонта Кассандром. Затем раскололась и сама роялистская партия – что ввиду двойной царской власти было вполне естественно. Цари – мальчик и простофиля – были пустым местом, однако Олимпиада, бабушка маленького Александра, и Эвридика, супруга Филиппа, ожесточенно противостояли друг другу. Регент принял участие в планах Олимпиады, и в 317 г. до н. э. и Филипп, и Эвридика были уничтожены. Номинальное правление теперь оказалось в руках одного Александра. До конца 317 г. до н. э. Кассандр напал на саму Македонию. Убийство Филиппа и Эвридики сделало саму страну враждебной Олимпиаде и Полиперхонту. Когда наступила зима, регент был скован войсками Кассандра в Азоре, а Кассандр осаждал царское семейство в Пидне. Весной 316 г. до н. э. Пидна пала. Царь попал в руки Кассандра. Вскоре он стал хозяином Македонии, а Олимпиада была казнена.

Ситуация упростилась не только из-за подавления царского дома. В ходе борьбы македонских вождей осталось четверо – наиболее приспособленные или самые удачливые. Остальные или ушли со сцены, как Пердикка и Эвмен, Пифон или Певкест, или согласились остаться в подчиненном положении по отношению к одному из четверых, как новые сатрапы на Востоке под властью Антигона и Селевк под властью Птолемея. И из этих четырех Антигон занимал положение, затмевавшее всех остальных. Его власть простиралась над всей Азией от Средиземноморья до Хорасана, в то время как из остальных трех Птолемей владел только Египтом и Северной Сирией, Кассандр имел только что укоренившуюся и ненадежную власть над Македонией, а Лисимах поддерживал свою независимость в полуварварской стране Фракии.

Произошла любопытная перемена в положении Антигона: теперь он оказался практически наследником Пердикки. Пока принцип одного центрального правительства в империи означал, что над ним будет какой-то властитель, амбиция ставила его среди противников этой власти; когда его амбиции поднялись выше, они сделали его теперь защитником этого принципа – с той только разницей, что теперь это центральное правительство было его собственным. Соответственно, вскоре он оказался в состоянии войны со своими старыми союзниками и заключил союзы с множеством старых врагов, остатками роялистской партии. История следующих четырнадцати лет (315–301 до н. э.) – это история долгого сражения Антигона за Македонию.

До того как Антигон вернулся на Запад в 315 г. до н. э., Птолемей, Кассандр и Лисимах решились на совместные действия. Наши источники утверждают, что значительную роль в создании этого альянса сыграл Селевк, но другим трем вождям, возможно, почти не нужно было объяснять, что надо остерегаться Антигона⁴¹. Их посланники встретились с Антигоном весной 315 г. до н. э. в Северной Сирии и изложили ему требования, которые они выставляли как его союзники в последней войне против роялистов. Среди этих требований были разделение завоеванной территории в Азии, восстановление власти Селевка в Вавилонии и возвращение ему захваченных сокровищ. Антигон с презрением отверг эти требования. Затем обе

⁴¹ Diод., XIX, 56.

стороны стали готовиться к битве. Народы Азии увидели свидетельство решительности своего монарха по всем большим дорогам: через определенные интервалы были устроены станции для быстрого сообщения, на вершинах сделали маяки⁴².

Война с Антигоном, по крайней мере в том, что касалось Селевка, распадается на две фазы. В первой (315–312 до н. э.) Селевк был просто подчиненным, «одним из князей» Птолемея⁴³, как описывает его книга Даниила. Мы слышим, что он командовал флотом Птолемея, который в 315 г. до н. э. угрожал побережью Ионии, в то время как Антигон решился стать хозяином морей в качестве предварительной меры перед нападением на Македонию⁴⁴. Вскоре Селевк оказался на Кипре вместе с братом Птолемея Менелаем, сражаясь со сторонниками Антигона на этом острове⁴⁵. В следующем году (314 до н. э.)⁴⁶ он опять оказался в Эгейском море. Эти операции, составлявшие часть плана кампании, в которой Селевк не был главнокомандующим, мы далее обсуждать не будем.

Затем пришел 312 г. до н. э. – великий год Селевка, начальный пункт его эры, которая была установлена царями из его династии на Востоке и все еще использовалась как «греческий год» долгое время после того, как династия Селевкидов перестала существовать. Весной этого года Антигон был в Малой Азии, считая, что путь на Европу по меньшей мере открыт. Чтобы уберечься от атаки из Египта с фланга, его сын Деметрий – блестящий и распущенный человек, к карьере которого можно особенно удачно применить банальное сравнение с метеором, – остался с армией, чтобы удерживать Киликию и Сирию. Южная Сирия (Палестина), так же как и Северная, в тот момент была занята войсками Антигона; войска Птолемея были изгнаны в 315 г. до н. э., в самом начале войны. На совете у Птолемея было решено, что настало время для наступления. Селевк, согласно нашим источникам, был основным сторонником этой меры⁴⁷. Большая армия под предводительством Птолемея и Селевка двинулась через пустыню на Палестину. На пороге этой страны, близ Газы, их встретил Деметрий. Произошло решительное сражение – одна из великих битв этого времени. Деметрий был полностью разбит. Тогда Сирия была потеряна для Антигона. Его поход на Македонию был остановлен; ему пришлось перестраивать весь свой план действий. Это был самый серьезный удар, который был нанесен Антигону с начала войны.

Но в конечном счете последствия этой битвы оказались более значимыми, чем ее непосредственный исход. Теперь у Селевка появился шанс, и он мгновенно им воспользовался. Непосредственно после битвы он получил от Птолемея, который благоприятно отнесся к его предприятию, отряд из 800 пехотинцев и 200 всадников, и с ними он отправился отвоевывать свою старую провинцию – Вавилонию. Небольшой отряд пошел по дороге, которая пересекала Евфрат в Северной Сирии. Даже для возвращения одной провинции эта сила, казалось, была смехотворно мала. О спутниках Селевка нам рассказывают, что по дороге у них появились дурные предчувствия. Они стали сравнивать себя с огромной силой, против которой собрались сражаться. Но Селевка было не запугать. История этих судьбоносных дней – так, как она была изложена автором, за которым следовал Диодор, история, рассказанная тем, кто смотрел на нее в свете последующих триумфов, – окружена неким пророческим ореолом. Селевк был уверен в своей судьбе. Он напомнил своим спутникам о падении Персидской державы перед лицом Александра, превосходившего персов знаниями. На самом деле он был прав, понимая, на сколь шатких основаниях покоятся монархии (таких Востоков видел очень много), которые

⁴² Ibid., 57, 5.

⁴³ 11: 5: «И усилится южный царь (Птолемей), и один из князей его пересилит его».

⁴⁴ Diod., XIX, 58, 5: 60, 4.

⁴⁵ Ibid., 62, 4 f.

⁴⁶ Ibid., 68, 3 f.

⁴⁷ Ibid., 80, 3.

удерживаются лишь военной силой, не скрепленные цементом нации. Рассказчик далее заставляет Селевка поддерживать отвагу своих спутников с помощью оракула Дидимского Аполлона, приветствовавшего его как *царя*, и видения Александра. «Он также изложил им, что все, что люди почитают и чем восхищаются, достигнуто трудами и опасностями»⁴⁸. В этом случае некоторые идеализированные черты вполне оправданы. Действительно, именно в таком виде эти дни запечатлелись в памяти людей.

Отряд Селевка перебрался через Евфрат и оказался в Месопотамии; он появился под Каррами – старым городом на большой дороге между Сирией и Вавилоном, где была расположена колония македонских воинов. Некоторые из них были готовы немедленно присоединиться к командиру с такой репутацией, как у Селевка, а остальных было недостаточно много, чтобы они могли успешно сопротивляться. С такими подкреплениями Селевк пересек всю Месопотамию и вошел в Вавилонию. Надежды, которые он питал, – что труд, совершенный им в прошедшие четыре года, все еще дарил ему расположение народа – не были тщетны. Сатрап, назначенный Антигоном, Пифон, сын Агенора, был с Деметрием в Газе и пал на поле боя⁴⁹. Местные жители стекались под знамена своего старого правителя. Один из македонских управителей перешел на его сторону с более чем 1000 человек. Странников Антигона смело это народное движение; они затворились под командованием некоего Дифила в одном из дворцов-цитаделей Вавилона. Тут они все еще удерживали в качестве заложников тех, кто были приверженцами Селевка и составляли его свиту во время его правления⁵⁰. Однако Селевк атаковал и захватил дворец и спас всех, кто был на его стороне.

Именно этот момент цари-Селевкиды считали датой рождения их империи.

Селевк снова стал править в Вавилоне. Но при этом он должен был ожидать, что его положению вскоре будет брошен вызов; и он серьезно занялся тем, чтобы сформировать силы обоих родов войск и утвердить свое влияние среди местных жителей и обитавших здесь македонцев. Антигон был лично занят на Западе, но он оставил командование всеми восточными провинциями в руках сатрапа Мидии Никанора, который наследовал мидийцу Оронтобату⁵¹. Вскоре Никанор отправился в Вавилон с внушительным отрядом, набранным в различных областях Ирана: там было более 10 000 пехотинцев и 7000 всадников. Селевк мог противопоставить ему лишь 3000 пехотинцев и 400 всадников. Однако этот недостаток он восполнял мобильностью: Селевк пересек Тигр до того, как туда добрался Никанор, захватил его полностью врасплох и обратил в бегство. Эвагр, сатрап Персиды, был одним из павших в этой схватке. Армия Никанора целиком перешла к Селевку. Самому Никанору едва удалось спастись в пустыню с горсткой приверженцев; так он добрался до своей сатрапии.

В результате этого сражения Восток немедленно открылся для Селевка. Теперь стало очевидно, насколько призрачным фактически было господство Антигона на Востоке. Греческие и македонские гарнизоны, посредством которых назначенные им правители удерживали Мидию, Персиду, Сузиану и Вавилон, были вполне готовы, если это казалось выгодным, перейти с его службы на службу Селевку. Местные жители, несомненно, с сожалением вспоминали старых правителей, которых забрал у них Антигон. Сатрапов дальних провинций он на деле так никогда и не покорил⁵². Селевк, видимо, практически немедленно аннексировал Сузиану, а возможно, и Персиду, чей сатрап погиб. Затем он пошел на самую Мидию, дабы напасть на Никанора в его собственной провинции.

⁴⁸ Diod., XIX, 90.

⁴⁹ Diod., XIX, 85. 2.

⁵⁰ τὰ φυλαττόμενα σώματα τῶν παίδων καὶ τῶν φίλων, Diod., XIX, 91, 4. Возможно, что παῖδες правителя соответствуют παῖδες βασιλικοί царя. Ср. τῶν Εὐμένους παίδων ἴλας δύο, Diod., XIX, 28, 3; 90, 1.

⁵¹ Никанор именуется στρατηγός τῆς τε Μηδίας καὶ τῶν ἄνω σατραπειῶν, Diod., XIX, 100, 3.

⁵² Niese, i. p. 299, предполагает, что Селевк уже достиг договоренности с этими сатрапами до того, как идти на Вавилон.

Между тем на Западе Антигон, которому битва при Газе послужила предупреждением, решил уже не оставлять Птолемея в покое. Он снова занял Палестину и в качестве предварительной меры перед вторжением в Египет попытался покорить набатейских арабов, которые контролировали путь через пустыню (311 до н. э.). Не слишком в этом преуспев, он едва сумел с ними договориться, когда к нему пришло сообщение от Никанора, которое объяснило, в каком отчаянном положении находятся дела на Западе. Антигон, даже рискуя потерять Восток, практически не мог выделить войска сколько-нибудь надолго ввиду того, сколь сложной была ситуация на Западе. Но он решил попробовать, чего можно достичь одним внезапным ударом по центру власти Селевка. Антигон передал 15 000 пехотинцев и 4000 всадников Деметрию, приказав ему совершить набег на Вавилонию, вернуть провинцию и возвращаться как можно скорее. Деметрий собрал этот отряд в Дамаске и быстро двинулся на Вавилонию через Месопотамию⁵³.

Селевк оставил в Вавилоне командующим на время своего отсутствия офицера по имени Патрокл: несомненно, это тот же человек, о котором позднее мы слышим как о главном советнике царя и исследователе Центральной Азии. Патрокл узнал, что Деметрий идет на него из Месопотамии. Патрокл понимал, что его войско слишком мало, чтобы рисковать и вступать в сражение. Но в любом случае он хотел спасти армию от поражения или от перехода на сторону врага и приказал значительной части своего отряда найти убежище в пустынях к западу от Евфрата или в болотах на берегу Сузианы; сам он с небольшим подразделением двигался по провинции, наблюдая за врагом. В то же самое время он постоянно информировал Селевка, находившегося в Мидии, о том, что происходило.

Деметрий нашел Вавилон эвакуированным, если не считать двух царских дворцов, стоявших лицом друг к другу на двух берегах реки. Из них один он захватил и разграбил, но другой держался несколько дней, а отведенное ему время подходило к концу. Деметрий вынужден был вернуться с неполным результатом, однако он оставил одного из своих друзей с четвертью своих войск продолжать осаду и удерживать провинцию. Перед уходом он разграбил страну – этот акт только повредил его собственному делу, так что, как говорит Плутарх, «этим походом Деметрий лишь укрепил власть Селевка»⁵⁴.

Вторжение Деметрия было просто временным перерывом в завоевании Селевком Востока. Никанор не мог сопротивляться ему в Мидии. Аппиан пишет, что Селевк «убил сатрапа Никатора (sic) в сражении»⁵⁵. Может быть, Аппиан имел в виду битву на Тигре, когда Никанор был побежден и бежал; или же, конечно же, Никанор мог снова дать ему сражение в Мидии с оставшимися у него войсками и погиб.

Древние авторы позволяют нам до этого момента достаточно полно следовать за движением Селевка, сына Антиоха, к имперской власти. Если бы у нас были сведения, теперь мы должны были бы рассказать, как фактически формировалась восточная империя с полнотой, соответствующей ее важности. Однако соблюдение этих пропорций в рассказе невозможно для историка дома Селевкидов. Он должен воспринимать информацию так, как он ее получил, и не всегда моменты, которые он больше всего хотел бы знать, освещаются для него капризной удачей сохранившихся у нас свидетельств. Он вынужден потратить целую страницу на инцидент, который, согласно его относительной важности, можно было бы описать в одном предложении, дабы его труд был полным; о развитии событий, которому он хотел бы посвятить целую главу, он может получить информации только настолько, чтобы хватило на одно предложение. В этот момент перед нами как раз пример такого бессилия историка. После возвращения Деметрия в

⁵³ Дорога по пустыне через Пальмиру не упоминается, как мне кажется, до 41 г. до н. э. (App., *V.C.*, V. 9). Даже Селевк по дороге из Газы в Вавилон дошел на севере до самых Карр.

⁵⁴ Plutarch, *Dem.*, 7.

⁵⁵ App. *Syr.*, 55.

Вавилон в 311 г. до н. э. Селевк снова стал хозяином своей провинции, и в следующие девять лет (311–302 до н. э.) он утвердил свою верховную власть в Иране, а также в долине Евфрата, или, иными словами, над всей восточной частью империи до Яксарга и Инда. *Этот голый факт – практически все, что можно извлечь из документов.*

Только война с Антигоном на западе снова выводит Селевка, как царя Востока, в поле нашего зрения. Здесь в 302 г. до н. э. ситуация была практически такой же, как Селевк оставил ее в 312 г. до н. э. Самым важным изменением было полное истребление древней царской семьи Македонии по мужской линии. Мальчик Александр был убит Кассандром в 311 г. до н. э., а Геракл, незаконнорожденный сын великого Александра, – Полиперхонтом в 309-м. Кассандр мог претендовать на то, что наследует эти права по линии своей жены Фессалоники, которая была сестрой Александра Великого. В 306 г. до н. э. Антигон принял титул царя⁵⁶. В следующем году другие династы – Птолемей, Кассандр, Лисимах и Селевк – последовали за ним. Селевк уже был «царем» для своих местных подданных. Теперь македонцы и греки, допущенные пред лицо царя, видели, что он надел льняную повязку – *диадему*, которая у древних персидских царей была символом царской власти, и официальные греческие документы именуют его *царем* Селевком⁵⁷.

Мы можем здесь остановиться, дабы отметить, что у титула царя не было *территориального* значения. Эти цари никогда не называли себя царями *Египта* или царями *Азии*. Если так их называют историки, то это только для того, чтобы было удобно различать их. Титул передавал, скорее, личные отношения к македонскому народу. *В идеале* существовала единая македонская империя – точно так же, как в Средние века была одна Римская империя⁵⁸. Однако титул македонского царя носили совместно или параллельно многие вожди, точно так же, как титул римского императора носили противостоявшие друг другу западные и византийские правители⁵⁹. *Практически*, конечно, каждый из правителей должен был мириться с тем, что другие являются царями в пределах определенной территории, сферы их деятельности. Однако их связь с этой сферой никогда не была столь же близкой и существенной, как у короля Англии или Франции с его территорией. Птолемей и Селевкиды до конца оставались македонскими царями, которым пришлось править в Египте и в Азии.

Однако в материальном плане ситуация на Западе мало изменилась с 312 г. до н. э. Антигон все еще прочно держался в Малой Азии и Сирии. Однако его попытки расширить сферу своего влияния были малоудачными. Он вырвал Кипр у Птолемея, и ему удалось осуществлять непрочное влияние на Грецию, но это было самое большее, что ему удалось сделать. И во время осады Родоса Деметрием в 305–304 гг. до н. э. война между Антигоном и другими династами, судя по всему, еще продолжала тянуться.

Однако сам тот факт, что власть Антигона за Евфратом заменилась властью Селевка, сам по себе имел судьбоносное значение. Антигон понес огромные утраты в ресурсах, и у него в тылу возникла четвертая независимая власть. Если он не мог наступать против троих своих врагов, то против четверых он не мог удерживать даже свои собственные позиции.

После неудачной попытки завоевания Родоса он в 304 г. до н. э. снова обратился против Кассандра в Греции. Во время отвлекавших его событий последних трех лет его власть над Грецией была практически утрачена. Кассандр и его союзник, бывший регент Полиперхонт, который теперь превратился во что-то вроде кондотьера, восстановили свое влияние практи-

⁵⁶ Его уже называли так афиняне в 307 г., *C.I.Att.* ii. No. 238.

⁵⁷ Plutarch, *Dem.*, 18.

⁵⁸ «Несмотря на эти разделы, царство Александра следует рассматривать как единое целое... Разделы столь быстро следовали друг за другом, что они не могли создать прочных территорий с определенными границами и с собственным „лицом“... Каждый из новых царей чувствовал себя вправе, по мере своих возможностей и когда им предоставлялся шанс, увеличивать свою долю, а то и притязать на целое». Niese ii. p. 123.

⁵⁹ Ср.: Plutarch, *Dem.*, 25. Деметрий не признает царственного достоинства соперничающих династий.

чески повсюду, кроме Афин; и Афины находились под огромным давлением. Теперь Деметрий вернулся в Грецию, и в следующем году (303 до н. э.) в ходе победоносной кампании он смел с поля боя войска врагов. Государства Греции были объединены в федерацию под руководством Антигона и Деметрия против Кассандра.

Такие победы были бесполезны. Их непосредственным результатом было возрождение активности союза Кассандра, Лисимаха и Птолемея, к которому теперь добавилась сила Селевка. Пока Деметрий завоевывал Грецию, Антигон продолжал занимать оборонительную позицию в Северной Сирии. В этом центральном регионе дороги, которые вели в Малую Азию из Египта и из Вавилонии, сходились, что давало Антигону равные возможности для того, чтобы наблюдать за Птолемеем и Селевком. Однако весной 302 г. до н. э. союз против него начал действовать. Лисимах пришел из Фракии и, объединив силы с Кассандром, захватил западную часть Малой Азии. Когда Антигон пошел против него, он просто удалился, заняв укрепленную позицию на берегу близ Гераклеи, и был готов встретить врага. В то же самое время Антигону пришлось оставить у себя за спиной дороги на Иран и Египет без адекватной защиты. В такой ситуации было бесполезным то, что Деметрий оказывал сильное давление на Кассандра в Фессалии. Антигон был вынужден отозвать его обратно в Азию и отпустить Грецию.

В ходе всех этих событий летом 302 г. до н. э. Селевк шел из Пенджаба, продолжая продвигаться на запад на огромные расстояния, отделяющие Индию от средиземноморских земель. Когда наступила зима 302/01 г. до н. э., он достиг Каппадокии и разместил здесь свои войска на зимних квартирах⁶⁰. Его сила достигала 20 000 пехотинцев, 12 000 всадников и конных лучников (последние, несомненно, происходили из Центральной Азии), 480 слонов, которых он привел прямо из Пенджаба, и более 100 колесниц с серпами. С ним был его сын Антиох, которому тогда исполнилось двадцать два или двадцать три года.

Весной 301 г. до н. э. он снова двинулся вперед по центральной дороге через Малую Азию. Антигону не удалось помешать ему объединиться с Лисимахом и у Ипса, который лежал на большой дороге⁶¹, ему пришлось встретиться с объединенными армиями обоих царей. Плутарх дает нам рассказ о битве с различными красочными деталями. Как он рассказывает нам, ей предшествовали знамения, предрекавшие катастрофу для Антигона. В ходе битвы Деметрий, командовавший цветом кавалерии своего отца, столкнулся с юным царевичем Антиохом и после блестящей дуэли обратил противников в бегство. Однако его преследование зашло слишком далеко. Это испортило победу. Слоны Селевка бросились между ним и фалангой Антигона. Силы Селевка и Лисимаха окружили эту мощную, но непослушную массу людей, угрожая атакой, но фактически пытаясь напугать войска Антигона и заставить их дезертировать. Большой отряд действительно перешел на сторону победителя. Остальные бежали. Затем отряд копейщиков надавил на то место, где размещался сам Антигон. Кто-то привлек к ним его внимание: «Царь, они метят в тебя!» Старик остался спокоен: «Какая же еще может быть у них цель? Но Деметрий подоспеет на выручку». До конца он верил, что его сын уже рядом, и продолжал смотреть на горизонт. Затем копья поразили его, и он пал, пронзенный со множеством ран. Только Форах из Лариссы остался рядом с телом⁶².

⁶⁰ Diod., XX. 113, 4.

⁶¹ Ramsay, *Historical Geography of Asia Minor*, p. 35.

⁶² Plutarch, *Dem.*, 29.

Глава 6

От Ипса до смерти Селевка

Битва при Ипсе стала одним из ключевых моментов периода после Александра. Азиатская империя Антигона, которая была очень значимым фактором в истории последних пятнадцати лет, была уничтожена навсегда. Дом Антигона все еще существовал в лице Деметрия, который после катастрофы в сражении при Ипсе бежал в Эфес. На морях его власть была несломленной, и во многих местах в Леванте все еще держались его гарнизоны – на Кипре, в Кавне, Тире и Сидоне. Однако на данный момент другие дома практически устранили дом Антигона со сцены. «После битвы цари-победители расчленили всю державу Антигона и Деметрия, словно некое огромное тело, и, поделивши части между собою, присоединяли новые провинции к прежним своим владениям»⁶³. Больше всего в территориальном плане выиграли Селевк и Лисимах. Селевк теперь смог аннексировать Сирию, а Лисимах – значительную часть территории, которой в Малой Азии правил Антигон; мы не можем сказать, где именно была проведена новая граница⁶⁴. Киликию уступили Плистарху, брату Кассандра.

Был один территориальный спор, который после раздела при Ипсе перешел к последующим поколениям, – вопрос, возникший между династиями Селевка и Птолемея по поводу владения Келесирией – страной, которую мы зовем Палестиной. Птолемей долгое время хотел завладеть Сирией к югу от Ливана; в ходе войны с Антигоном он много раз захватывал эту страну и вновь терял ее. Когда союз трех царей был обновлен в 302 г. до н. э., Птолемей выговорил для себя эту территорию как свою долю в добыче, и с этим согласились другие. В то самое время, когда Лисимах напал на Антигона в Малой Азии, Птолемей вторгся и оккупировал Палестину. Затем после какого-то ложного сообщения о том, что Лисимах разбит, Птолемей поторопился уйти оттуда. Именно из-за этого действия и возник спор. Селевк – и, очевидно, два других царя, чьи войска сражались при Ипсе, считали, что уход Птолемея стал предательством общего дела и что его претензии на Палестину по первоначальному соглашению перестали действовать. С другой стороны, Птолемей считал, что они все еще действительны. Когда Селевк снова пересек Тавр после Ипса, чтобы захватить свои новые сирийские провинции, он обнаружил, что Птолемей снова занял Палестину. Селевк мог получить эту страну только с помощью превосходящей силы. Однако он чувствовал, что его сковывают нормы приличия: он не мог применить силу к Птолемею – не только как к старому союзнику, но и как к человеку, которому он был обязан своим собственным взлетом. Он удовлетворился негодующим протестом. Он объявил Птолемею, «что ради дружбы теперь не будет предпринимать активных действий», но что он «должен позже подумать о том, как относиться к другу, который захватил больше, чем ему полагалось».

Фактически Селевк вследствие битвы при Ипсе, можно сказать, занял место Антигона, точно так же, как Антигон занял место Пердикки. Селевк теперь занимал положение, затмевавшее позицию всех других вождей. И соответственно, как в 315 г. до н. э. Антигон оказался в оппозиции к своим прежним союзникам и объединился со старыми врагами, так же получилось и с Селевком. Его соседи Лисимах и Птолемей объединились. Лисимах взял в жены Арсиною, дочь Птолемея. Со своей стороны Селевк стал делать различные предложения скитальцу Деметрию. Он попросил руки Стратоники, его дочери от Филы, дочери Антипатра. Самого Деметрия пригласили в Сирию.

Это предложение показалось Деметрию «неожиданной удачей». Он немедленно отплыл в Сирию со Стратоникой. По дороге Деметрий разорил Киликию, провинцию Плистарха, и унес

⁶³ Плутарх. Деметрий, 30.

⁶⁴ См. Приложение D.

1200 талантов из Кинд – это были остатки сокровищ Ахеменидов. Деметрий, Филадельфия и Стратоника были приняты Селевком в прибрежном городе Росс. «Эта встреча от начала до конца была поистине царской, свободной от коварства и взаимных подозрений. Сначала Селевк давал Деметрию пир в своем шатре, посреди лагеря, потом Деметрий принимал Селевка на огромном судне с тринадцатью рядами весел. Были тут и совещания, и досужие беседы, и увеселения, тянувшиеся иной раз целый день; наконец, забрав Стратонику, Селевк торжественно отбыл в Антиохию»⁶⁵. О новом союзе объявили греческим городам, которые занимал Деметрий, послы, посланные во имя обоих царей⁶⁶.

Когда его положение улучшилось, Деметрий начал замысливать новые набеги. Он занял Киликию; Плистарху, очевидно, пришлось уйти, чтобы пожаловаться своему брату царю Кассандру. Селевк, видимо, предвидел такой поворот событий, поскольку вскоре мы видим, что он пользуется любезностью Птолемея (его отношения с ним, несмотря на вопрос с Келесирией, все еще оставались дружескими), дабы добиться помолвки Деметрия с одной из дочерей Птолемея. Однако новые амбиции Деметрия показали, что дом Антигона еще не был уничтожен, и это в некоторой степени восстановило общее противостояние четырех царей и старого врага. Между Селевком и Деметрием произошел разрыв. Его непосредственной причиной было требование Селевка, чтобы Деметрий продал ему Киликию. Когда Деметрий отказался, Селевк в более угрожающих выражениях потребовал Тир и Сидон, которые все еще удерживали гарнизоны Деметрия. Он получил гордый ответ: даже если бы Деметрию пришлось пережить еще десять тысяч других битв при Ипсе, он не хотел бы, чтобы Селевк стал его зятем из корыстных соображений, и гарнизоны в обоих городах были усилены. Вскоре Деметрий оставил Восток, чтобы восстановить свое положение на другом берегу Эгейского моря.

Годы после Ипса были, несомненно, плодотворными в плане внутреннего развития империи Селевка. Селевк, чьей резиденцией теперь стала Антиохию – новый город, который он построил на Оронте вместо Антигонии, – мог теперь наблюдать и за Востоком, и за Западом и консолидировать свою власть во всех обширных областях, которыми он теперь стал править. Но опять-таки все свидетельства этого погибли. Только одна административная мера упомянута в наших источниках – раздел империи на восточную и западную часть: столица первой находилась в Вавилонии, в новом городе Селевкии-на-Тигре. Здесь сын Селевка и бактрийки Апама стал наместником царя во владениях за Евфратом⁶⁷.

Однако упоминанием об этой мере мы обязаны не ее исторической важности, но тем, что она была связана с сентиментальной историей с оттенком инцеста, которые так нравились грекам в поздние времена. Аппиан рассказывает эту историю значительно подробнее, чем любую часть истории Селевка и его наследников. Вкратце, князь Антиох влюбился в свою юную мачеху Стратонику и молча страдал. Однако, когда придворный врач Эрасистрат обнаружил природу его болезни и открыл ее царю, Селевк с отеческой любовью, которую, как считали, можно было ставить в пример, решил передать свою супругу сыну. Далее, он решился в то же самое время передать ему и восточную часть империи. Созвали собрание всех рангов македонских войск в Антиохии, и царь объявил им о помолвке Антиоха и Стратоники и о назначении их царем и царицей Востока. Чтобы устранить любые подозрения насчет этого союза как отвратительного для морали греков, Селевк следовал закону государственной власти, который Геродот приписывает царским судьям Камбиса⁶⁸, – тому, что царь выше закона: «Приказ царя делает всякое действие законным» (примерно в 293 до н. э.)⁶⁹.

⁶⁵ Плутарх. Деметрий, 32.

⁶⁶ Посольство Никагора родосца в Эфес, Michel No. 492.

⁶⁷ Аппиан. Сирийские дела, 62.

⁶⁸ «Камбис воспылал страстью к одной из своих сестер и задумал взять ее в жены хотя бы вопреки обычаю. Для этого царь созвал царских судей и спросил, нет ли закона, разрешающего по желанию вступать в брак с сестрами... Судьи отвечали на вопрос Камбиса, сообразуясь с законом и соблюдая собственную безопасность: нет такого закона, разрешающего брак с

Связь с историей такого рода послужила тому, что эта великая политическая мера была спасена от забвения. В других отношениях история Селевка после Ипса освещается для нас лишь личностью Деметрия, человека-метеора. В 297–296 гг. до н. э. умер Кассандр, не оставив после себя сильного наследника. Его старший сын Филипп умер через год после отца; затем царская власть в Македонии разделилась; два других сына, Антипатр и Александр, правили вместе; их дергала за ниточки мать, Фессалоника, дочь великого Филиппа. В этой ситуации у Деметрия появился шанс. Он снова стал постепенно овладевать греческими городами. Дети Кассандра были не в том положении, чтобы помешать его наступлению. Вскоре в доме Кассандра начались открытые конфликты. Антипатр убил свою мать – последнюю представительницу старой царской династии, – и двое братьев стали бороться друг с другом. Деметрий ворвался в этот хаос и захватил македонский трон (293 до н. э.).

Определенно некоторая ирония истории заключается в том, что цель, которую тщетно и так долго преследовал Антигон Одноглазый со всеми ресурсами правителя Азии, была достигнута его сыном уже после того, как погибла азиатская империя. Однако трон Деметрия стоял отнюдь не прочно. Другие три царя, обеспокоенные этим «воскрешением» дома Антигона, снова объединились против него. Лисимах уже изгнал войска Деметрия из нескольких прибрежных городов Малой Азии, где они держались после Ипса; Птолемей снова завоевал Кипр. Три царя сделали своим орудием Пирра из Эпира. Он и Лисимах одновременно вторглись в Македонию, в то время как суда Птолемея рассеялись вдоль побережья Греции. Может быть, в то же самое время Селевк занял Киликию.

Деметрий, поскольку его войска дезертировали, вынужден был оставить Македонию, и страна была разделена между Лисимахом и Пирром (287 до н. э.). В течение некоторого времени после этого Деметрий вмешивался в мутную политику Центральной Греции, где все еще были действующие войска, которые ему подчинялись, и вскоре он собрал достаточные силы, чтобы беспокоить Афины. Однако это был слишком узкий театр для его амбиций, и Пирр переиграл Деметрия. Тогда тот снова обратил свой взор к Востоку. С армией из 11 000 пеших воинов и отрядом всадников он высадился в Малой Азии. Деметрий добился некоторого успеха. Даже пали Сарды. Поток дезертиров в Карии и Лидии начал обращаться в его пользу. Однако Агафокл, сын Лисимаха, приблизился с войсками, которые должны были восстановить равновесие. Деметрий отправился внутрь страны. У него появился дерзкий план вторгнуться в Иран. Может быть, он рассчитывал на услуги своей дочери, которая была правящей царицей в этой стране. Самой большой трудностью в этом плане было в принципе добраться до Ирана. Это было трудно по двум причинам: наемники в то время всегда ожесточенно возражали против экспедиций в нехоженые места, откуда было трудно возвращаться с добычей и где не было возможности перейти на службу к кому-то еще; кроме того, Агафокл преследовал Деметрия по пятам, так что тот даже не мог запастись провиантом. Вскоре в его лагере начался голод. Затем он потерял часть своих людей во время переправы через реку Лик⁷⁰. Потом начались болезни. Его армия из-за всего этого сократилась на 8000 человек.

Именно в этой ситуации он решился войти в царство Селевка и предаться на милость бывшего союзника. Он перебрался через Тавр в Киликию и вошел в Тарс. Но он старался показать, что пришел не как враг. Поля, через которые он проходил, оставались нетронутыми, и из Тарса он написал письмо с обращением к Селевку в Сирии. Селевк, судя по всему, был человеком добродушным, и даже помимо этого его возраст благоприятствовал актам показательного великодушия. Он немедленно написал приказы своим полководцам в Киликию, чтобы они снабдили Деметрия всем, что подобает царственной особе, а его голодающие войска – провизией.

сестрой, но есть, конечно, другой закон, который позволяет царю делать все, что ему угодно» (*Геродот. История*, III. 31). (*Примеч. пер.*)

⁶⁹ Аппиан. Сирийские дела, 59 f.; Плутарх. Деметрий, 38; Лукиан. О сирийской богине, 17 f.; ср. Геродот III. 31.

⁷⁰ Ср.: Полиэн, IV. 7, 12.

Но тогда послышался другой голос – голос Патрокла, главного советника царя. Он весьма убедительно объяснил Селевку, насколько опасно позволять человеку с амбициями и способностями Деметрия поселиться в его царстве. Его аргументы подействовали на Селевка, и первоначальные намерения царя полностью изменились. Он лично отправился в Киликию во главе большого войска, чтобы довершить уничтожение Деметрия.

Для Деметрия такое внезапное изменение политики Селевка было весьма неприятно. Он нашел себе убежище среди отрогов Тавра и оттуда послал новые призывы. Может быть, ему можно стать мелким князьком какого-нибудь свободного горного народа? Он обещал удовольствоваться таким королевством. В любом случае он умолял Селевка позволить ему оставить себе его войска там, где они были зимой (286/85 до н. э.), и не выдавливать его обратно – в когти беспощадного врага, Лисимаха.

Но Селевк все еще находился под влиянием Патрокла. Он дал Деметрию разрешение занять зимние квартиры на два зимних месяца (если ему будет угодно) в Катаонии, горной стране, прилегавшей к Каппадокии, при том условии, что он пошлет своих главных друзей в качестве заложников. Затем он стал перекрывать перевалы Амана – точно так же, как Агафокл перевалы Тавра, – так что Деметрий оказался в ловушке в Киликии и у него не было выхода ни в Малую Азию, ни в Сирию. Но теперь Деметрий начал действовать ожесточенно, точно загнанный в угол зверь. Он начал опустошать поля, которые доселе щадил. Он побеждал отряды Селевка, в том числе и колесницы с серпами. Он захватывал перевалы, выбивая людей Селевка с баррикад.

С этими ударами настроение его последователей поднялось. Их рассказы вызвали обеспокоенность при дворах других царей. В те дни, когда власть можно было быстро завоевать и так же быстро потерять, было неумно недооценивать важность любых успехов, а престиж Деметрия Полиоркета был огромен. Лисимах послал Селевку предложение помощи. Однако Селевк сомневался, кого ему следует бояться больше – Деметрия или Лисимаха. Он отклонил предложение. В то же время он не очень хотел и вступать в сражение с отчаявшимся Деметрием.

В этот критический момент Деметрий заболел. С этого момента его игра была проиграна. Когда через сорок дней он пришел в себя, его армия рассеялась. Многие воины теперь оказались в армии Селевка. С немногими, которые остались у него, можно было еще некоторое время вести партизанскую войну. Даже в этой крайней ситуации его гений все еще обеспечивал ему вспышки триумфа. Когда полководцы Селевка думали, что он собирается разграбить долины Киликии, он внезапно рванулся через Аман и оказался на богатых долинах Сирии, распространяя хаос до самой Киррестики, где Селевк тщательно насаждал новую цивилизацию. Сам Селевк привел войска, чтобы стереть ее с лица земли. Его лагерь едва избежал внезапной ночной атаки, а на следующий день Деметрию удалось добиться частичного успеха на одном из флангов. Однако если Деметрий был отважен, то столь же отважным мог быть и Селевк. Он понимал, в чем слабость Деметрия. С отвагой, достойной старого товарища Александра Македонского, он снял шлем и, защищая голову только легким щитом, поскакал к вражескому строю и сам громким голосом пригласил их сдаться. Эти слова как громом поразили воинов. С одобрительными возгласами маленький отряд Деметрия приветствовал Селевка как царя. Деметрий бежал с горсткой приверженцев. Единственное, чего он хотел, – добраться до Эгейского моря. Он надеялся, что его друзья все еще владеют гаванью Кавн. До ночи он укрывался в соседних лесах, чтобы снова перейти Аман в темноте. Однако, когда его отряд подобрался близко к перевалам, они увидели, что те озарены огнями пикетов Селевка. Было уже поздно. Деметрий потерпел окончательное поражение. Маленький отряд стал еще меньше. Всю ночь Деметрий бесцельно бродил по лесам. На следующий день его наконец убедили сдаться Селевку.

И снова первым побуждением Селевка было показать свое великодушие. Когда он принял посланника Деметрия, царь воскликнул, что это к *нему* удача была щедра, сохранив Деметрия живым до этой минуты и дав ему возможность добавить к другим поводам для славы случай выказать человечность и доброту. Его дворецким было приказано воздвигнуть царскую палатку, чтобы принять павшего царя. Он выбрал в качестве своего посланника, чтобы передать ответ Деметрию, человека из своей свиты, Аполлониды, который некогда был близким другом Деметрия. Настроение царя передалось и всему двору. Придворные, сначала по двое и по трое, затем во множестве, поспешили к Деметрию, чуть ли не наталкиваясь друг на друга, чтобы поспеть раньше. Они посчитали, что в будущем для пребывания при дворе Селевка будет очень выгодно заручиться фавором Деметрия.

Селевк не ожидал такой суматохи. Она его встревожила. Селевк стал прислушиваться к врагам Деметрия. Царь фактически стал бояться, что в его собственном доме эта магнетическая личность сможет его заменить. И снова его великодушный порыв погас: царь передумал. Аполлонид едва успел добраться до Деметрия и приятным разговором разогнать его горькое настроение, обрисовав картину того, как собирается поступить с ним Селевк; в этом же уверяли его и прибывавшие толпами придворные, – как они оказались окруженными тысячами воинов, пеших и конных. Деметрий действительно стал пленником.

Он никогда лично не встретился с Селевком. Деметрия отвезли в Херсонес Сирийский: это были влажные, цветущие долины в среднем течении Оронта, где строился новый город Апамея, и здесь были царские парки, переполненные всеми видами дичи. Здесь, под надежной охраной, он был совершенно свободен охотиться и пить. Ни одна из материальных потребностей для его удобства и достойной жизни не была забыта. Он мог держать при себе любых друзей, которые хотели этого. Иногда к нему присоединялись и придворные. Они приносили любезные послания от Селевка. Антиоха и Стратонику ожидали в Антиохии, и, когда они приедут (всегда говорили – когда они приедут), Деметрия должны были освободить. Фактически Селевк мог хотеть держать при себе Деметрия, как молнию, которую, если бы пришла в том нужда, он мог бы бросить в мир.

В 285 г. до н. э. Лисимаху удалось выгнать Пирра из его части Македонии и аннексировать Фессалию. Империя Александра теперь превратилась в три царства под властью трех выживших из того великого поколения – Селевка, Лисимаха и Птолемея. Из них троих наиболее господствующее положение занимал Селевк. Именно о нем в народе ходила история, как он надел на себя диадему Александра. Как писал Арриан: «Что из тех, кто принял власть после Александра, Селевк был самым крупным человеком, что он обладал наиболее царственным образом мыслей и правил обширнейшей после Александра страной – это, по-моему, не подлежит сомнению»⁷¹. Теперь же его престиж поднялся еще выше после пленения Деметрия, тем, что он удерживал бывшего царя Македонии, представителя великого дома Антигона, в плену.

Однако положение Лисимаха в то время казалось едва ли менее внушительным. Он был царем Македонии, в первоначальном доме правящей нации. Его владения простирались от Киликийских Ворот к западу по долинам Малой Азии по греческим городам побережья, Вифинии, Фракии, Македонии, Фессалии до ущелья Фермопил. Примирятся ли эти цари с существующим трехчастным делением?

Вполне возможно, что Селевк в любом случае питал надежду сделать всю империю своею. Деметрий для него был орудием, посредством которого можно было напасть на правящего царя Македонии с некоторой демонстрацией «законности». Лисимах вполне осознавал эту опасность. Он отправил к Селевку посла, предложив 2000 талантов, если тот казнит Деметрия. Селевк отверг это предложение с показным негодованием: «Не только нарушить доверие, но и совершить такое гнусное дело по отношению к человеку, связанному с его соб-

⁷¹ «Анабасис», VII. 22, 5 (пер. М. Е. Сергеевко).

ственным домом!» Затем он написал Антиоху в Мидию, объявляя о своем решении восстановить Деметрия на македонском троне. Антиох должен был молить, чтобы того выпустили, поскольку Селевк хотел, чтобы этот акт великодушия пошел на пользу его сыну.

Каковы бы ни были реальные намерения Селевка по отношению к пленнику, возможность казнить его вскоре пропала. Деметрий хотел утопить горечь и скуку плена в дикой распущенности. За два года он допился до смерти (283 до н. э.).

Селевк, даже со всем, чего он уже добился, наверное, все еще считал, что ему далеко до овладения всей империей. Династиям Лисимаха и Птолемея хватало наследников. Агафокл, сын Лисимаха, стал выдающимся командиром и сам охотился за Деметрием, перевалив через Тавр. У Птолемея, помимо старшего сына Птолемея, прозванного Керавном, было и много других сыновей, достигших взрослого возраста.

А теперь Судьба, казалось, стала творить чудеса ради Селевка и заставлять его врагов уничтожать свою собственную защиту. Произошла цепь событий, которая началась с того, что старый Птолемей отрекся не в пользу старшего сына Керавна, а сына от Береники, того Птолемея, которого позднейшие поколения прозвали Филадельфом (конец 285 до н. э.). Керавн немедленно бежал и нашел прием при дворе Лисимаха. Однако Лисимах пригрозил на груди змею. Вскоре при его дворе начались подковерные интриги, и Птолемею Керавну удалось пробудить у Лисимаха подозрения против его собственного сына. Агафокл был уничтожен по приказу отца, и началась резня его приверженцев. У этого преступного деяния было два результата. Во-первых, как только выяснилась правда и имя Агафокла было очищено от клеветы, Птолемею Керавну снова пришлось бежать, и на этот раз он явился к Селевку. *Судьба безо всяких усилий со стороны Селевка привела к нему в руки человека, притязавшего по праву рождения на египетский трон.* Во-вторых, убийство Агафокла подняло против Лисимаха множество врагов в его собственном царстве. Иго отца никогда не было легким, но сын Агафокл пользовался всеобщей любовью, и теперь все связанные с ним надежды рухнули. Города-государства в пределах владений Лисимаха начали оставлять его. Остаток партии Агафокла, его жена и дети нашли убежище у Селевка. Армия была полностью недовольна, и командиры постоянно перебегали в Сирию. Даже сын Лисимаха Александр последовал за этим течением. Сотни голосов взывали к Селевку, чтобы он взял оружие против тирана. *Судьба открыла ему путь в царство Лисимаха.*

Селевк действительно почувствовал, что время пришло. Мир, уставший от долгих конфликтов, снова увидел – через сорок лет после смерти великого завоевателя, – как два оставшихся в живых его спутника, теперь уже старики⁷², вступают в завершающую борьбу за его наследство. Из-за опасности из Азии Лисимах снова стал искать союзников в Египте. Его дочь Арсиноя была выдана за юного царя Птолемея. Однако Египет, видимо, остался верен своей репутации «трости надломленной»⁷³. Мы не слышим, чтобы оттуда Лисимаху пришла хоть какая-то помощь.

Театром войны стала Малая Азия. О передвижениях войск нам ничего не известно. Предшествовали ли решительному сражению или следовали за ним захват Сард Селевком⁷⁴, Котигэя в Фригии Александром, сыном Лисимаха⁷⁵ – мы не знаем. Само место этого сражения точно не известно; удобнее будет назвать его, следуя Евсевию⁷⁶, битвой при Корупедионе, долине Кор, но где эта долина, мы сказать не можем⁷⁷. Однако результат сражения нам известен. Лисимах

⁷² Их возраст приводится по-разному. См.: Niese i. p. 404, note 3.

⁷³ «Вот, ты думаешь опереться на Египет, на эту трость надломленную, которая, если кто оперется на нее, войдет ему в руку и проколет ее. Таков фараон, царь Египетский, для всех уповающих на него» (4 Цар., 18: 21). (Примеч. пер.)

⁷⁴ Полиэн, IV. 9, 4.

⁷⁵ Id., VI. 12.

⁷⁶ Chron. i. 233 f.

⁷⁷ Niese i. p. 404 предполагает, что это соответствует Κύρου λέδιον в Лидии, упомянутому Страбоном (XIII, 626, 629),

пал. Беженец из Гераклеи, бывший на службе у Селевка, нанес ему смертельный удар своим копьем. Вдова Агафокла хотела, чтобы победитель оставил тело непогребенным, однако ее смягчил Александр, получивший разрешение унести его (весна 281 до н. э.). Гробница Лисимаха многие века была хорошо видна между городками Пактия и Кардия на Херсонесе.

Селевк видел, как погиб его последний соперник. Несомненно, фактическое овладение царством Лисимаха должно было потребовать много времени. Размещенные по всему царству гарнизоны, правительства в различных городах могли не принять победителя немедленно. Но у Лисимаха не было наследника, способного оказать серьезное сопротивление. И во многих местах одной новости о сражении при Корупедионе было достаточно, чтобы опрокинуть существующий режим. События в Эфесе, возможно, показывают, что могло происходить во многих городах. Здесь проживала Арсиноя, царица, супруга Лисимаха, когда пришли новости о битве. Весь город немедленно взбунтовался, приверженцы Селевка (οἱ σελευκίζοντες) захватили управление, и Арсиное едва удалось спастись, переодевшись. Уже потому, что он сверг западного царя, Селевк считал Запад своим. Итак, мечта, которая была побудительным мотивом во всех войнах последних сорока лет, – мечта, преследуя которую погибли Пердикка, Эвмен и Антигон, – наконец осуществилась! Все царство Александра от Греции до Центральной Азии и Индии оказалось в руках Селевка, за исключением одного лишь Египта, и претендент на египетский трон по естественному праву находился у него на содержании. Что касается Египта, то он мог сделать притязания Птолемея Керавна достаточным предложением для вмешательства, и действительно нам говорят, что он собирался завершить свою работу, поступив именно так.

где одно из возможных чтений – Κόρου λέδιον. Это требует исправления в тексте Аппиана («Сирийские дела», 62), который говорит, что битва состоялась в Геллеспонтской Фригии. (Расположение этого места в Лидии подтверждается новым документом. См. Приложение С.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.